

An illustration of a young man and a young woman in a romantic embrace on an ice rink. The man is wearing a white hockey jersey with a tiger logo and the number 1, and a black turtleneck. The woman is wearing a purple sweater. The background shows the rink's lights and a blue wall.

ЛАНА
СТИНА

ПЛАКСА

Спортивные романы Trendbooks

Лана СТИНА

Плакса

«Издательство CLEVER»

2026

Стина Л.

Плакса / Л. Стина — «Издательство CLEVER»,
2026 — (Спортивные романы Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252437-2

«Плакса» – история о нежной любви и спорте, а еще о семье, выборе и умении прощать. Потрясающе переданные чувства героев и глубокая семейная драма от Ланы Стины. «Я взяла за правило никогда и ни о чем не жалеть. Сожаление – пустая трата времени. Так я себе говорила, пока не влюбилась в старшего брата своего друга. Мои отношения с Лешей никогда не были простыми. Сначала он меня дразнил, а когда мы стали старше – постоянно втягивал в перепалки и доводил до бешенства. Я не заметила, как наше противостояние переросло в настоящие чувства. Теперь между нами ревность, семейные драмы, несбывшиеся спортивные мечты Леши и так много сожалений. Что делать, если я полюбила парня, который для меня под запретом? Как вернуться в прошлое, чтобы исправить все ошибки и дать нам шанс на собственный хеппи-энд?» Эта книга роман – для тех, кто выбирает Clever книги редакции Trendbooks, интересные книги про первую подростковую любовь, любовные романы, где героини преодолевают трудности, современные романы про отношения персонажей, знакомых с детства, и захватывающие романы о любви.

ISBN 978-5-00-252437-2

© Стина Л., 2026

© Издательство CLEVER, 2026

Содержание

Пролог	6
Алисе 8 лет	8
Алисе 16 лет	11
Алисе 18 лет	18
Алисе 18 лет	23
Алисе 20 лет	35
Алиса	41
Алиса	49
Алексей	53
Алиса	58
Алексей	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лана Стина

Плакса

Стихотворение в книге © Марк Рудаковский

Иллюстрации в книге использованы по лицензии © Shutterstock

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Пролог

Крики болельщиков оглушали. В воздухе витала легкая атмосфера радостного хаоса. Такого, который бывает, когда человек бесконечно счастлив и его эмоции захватывают с собой и других. Фанаты срывали голос, радуясь победе любимой команды. Хоккейное безумие, окутавшее наш сектор и всю ледовую арену, было таким яростным, что не поддаться ему было просто невозможно. Люди обнимались, плакали, подбрасывали в воздух шарфы с эмблемой любимого клуба. Полностью растворяясь в этом моменте, проживали один из самых ярких эпизодов своей жизни.

Я чувствовала, как слезы катятся по моим щекам, пока смотрела на то, как команда в темно-синих джерси подбрасывает вверх своего игрока номер один. Их эмоции были так горячи, что я бы не удивилась, если бы лед прямо сейчас начал плавиться.

Клюшки были отброшены в стороны, как только прозвенела финальная сирена. Ликование волнами исходило от игроков. Они бросились обнимать друг друга, а болельщики последовали их примеру на трибунах.

Я неотрывно следила взглядом за игроком, забросившим победный буллит. Он снял со своей головы защитный шлем и отбросил его в сторону. Абсолютно счастливая улыбка озарила родное лицо с глазами цвета морской волны.

Слезы не переставали бежать по моим щекам, но счастье, которое излучал игрок под номером один, дотянулось и до меня, рисуя на моих губах широкую улыбку. Искреннюю. Слезы – это не только про печаль и радость. Это гораздо глубже. Это освобождение того, что мы так долго и упорно закапывали внутри себя. Все непрожитые эмоции, прикрытые запиской с огромной надписью «НЕВАЖНОЕ», которые прячутся в нас так глубоко, что иногда достать их почти невозможно. И эта гора со временем становится такой огромной, что малейший эмоциональный всплеск может вызвать ее крах.

Я плакала от радости за любимого человека, зная, какой путь он преодолел, чтобы быть здесь. Чем ему пришлось пожертвовать и с чем приходилось бороться каждый день. Думала о том, как я обманула его доверие, чтобы увидеть его таким счастливым в любимом деле. И что это стало началом конца всего, что между нами было. Я плакала, потому что была счастлива, но за этим скрывалось еще так много всего.

Я чувствовала, как кто-то сбоку тряс меня за плечи и кричал на ухо, призывая присоединиться к счастливой толпе. Но все это было неважно.

Единственная мысль кружилась в моей голове – и все остальное не имело значения. *У него получилось.* Он смог снова вернуться в хоккей. Привести свою команду к победе в первом матче сезона. Смог исполнить свою мечту и стать одним из лучших хоккеистов в стране. Я вцепилась пальцами в свое хоккейное джерси, не отрывая взгляда от любимого лица.

Он поднял глаза к трибунам, словно стремился найти кого-то в толпе. И я опустила голову, пытаясь взять под контроль свои эмоции и остаться незамеченной. *Он не знал, что я здесь.*

Спустя несколько ударов сердца я подняла голову, и мои глаза безошибочно нашли мой номер один. Он подъехал к бортикам и, вытянув руки вперед, поймал в свои объятия худенькую блондинку. Она крепко обняла его за шею, а его руки кольцом обвились вокруг ее талии.

Я должна была быть там, обнимать его и говорить, как сильно я в него верила. Разделить с ним его чувства и праздновать победу. Мое место всегда было рядом с ним. Будь я более внимательной, поняла бы это гораздо раньше.

Мне нужно было спуститься вниз. Никто, даже мои самые близкие друзья не знали, что я буду сегодня на матче. Но я не могла пропустить такой важный *для него* день. Хотела запомнить этот момент. Разделить с ним его счастье и в очередной раз убедиться, что нет ничего невозможного, если чего-то очень сильно захотеть.

Алисе 8 лет

Мы вернулись в Россию, когда нам с братом было по восемь лет. Папа завершил карьеру профессионального хоккеиста, и они с мамой решили вернуться на родину. Я мало что помнила о нашей жизни в Канаде, словно это был просто сон: короткий и совсем не запоминающийся. Зато я отлично помнила тот день, когда мы въезжали в свою новую квартиру, купленную в городе, где родились родители.

Я сидела на скамейке у нашего нового дома и наблюдала за тем, как грузчики вносили в подъезд то небольшое количество мебели и вещей, что у нас было. Мама, папа и мой брат им помогали, мне же было приказано сидеть и не мешаться под ногами. Меня такой расклад вполне устраивал. Я зажала в руках свою мягкую игрушку – лису – и оглядывалась по сторонам. Вокруг были новые многоэтажки, окрашенные в зеленый и серый цвета. Зеленый цвет мне нравился. Помню, тогда все мое внимание привлекала модная детская площадка с большим гамаком. Я любила качаться на гамаке у бабушки на даче, и мне не терпелось побыстрее опробовать и этот. Но, как бы мне ни хотелось сделать это прямо сейчас, я была послушной девочкой и должна была дожидаться маму или папу, которые меня туда отведут, как только закончат с делами. И Марка с собой обязательно возьмем. Ему понравятся разноцветные турники.

Мне нравился наш новый район: он был очень красиво и современно отстроенным – так говорила мама, а еще рядом был парк, в котором можно гулять с собакой. Когда родители разрешат мне ее завести, конечно же. Надеюсь, они подарят нам ее на день рождения.

Мое внимание привлек большой черный автомобиль, который медленно подъехал к нашему подъезду. Оттуда вышел мужчина, одетый в черный деловой костюм. Мне стало жалко этого человека – на улице лето, и наверняка в такой одежде очень жарко. На мне, как сейчас помню, был нежно-розовый комплект из шорт и майки, но и в нем было жарковато, а каково этому мужчине, даже представить невозможно. Одной рукой он держал телефон у уха, разговаривая с кем-то, а другой открыл заднюю дверь машины и выпустил мальчика примерно моего возраста. Высокого, темноволосого и красивого. Восемилетней мне он определенно понравился.

В одной руке у него была большая спортивная сумка, а в другой – клюшка. Он перекинул сумку через плечо, словно она весила не больше пушинки, и, вздернув голову вверх, направился в наш подъезд. Заметив меня и кучу вещей, он брезгливо поморщился, словно от них исходил неприятный запах, и обошел стороной. Тоже мне, важный гусь. На входе он столкнулся с моим братом, который выбегал в тот момент, когда мальчик заходил. Брат случайно задел его плечом и, кажется, даже этого не заметил. Но я видела, какой злобный взгляд бросил на него мальчик, прежде чем скрыться в подъезде.

– Лисси, твоя комната готова, мама сказала, ты можешь подниматься, – тяжело дыша, на бегу сообщил мне брат. – Пошли скорее!

Он взял меня за руку, а я, покрепче зажав в руке свою лисичку, спрыгнула со скамейки – и мы побежали в подъезд.

Меня до сих пор накрывало от теплых воспоминаний, от радости, которую я испытала, когда узнала, что у меня будет своя комната. Мне не верилось, что этот день когда-нибудь настанет. Когда мы жили в Канаде, нам с Мариком приходилось делить одну комнату на двоих. И до определенного момента мне это нравилось. У нас не было секретов друг от друга, и мы любили играть вместе. Он даже играл со мной в куклы, а я с ним в машинки. Но, как только мы пошли в школу, все поменялось. У Марка появились новые друзья-мальчики, и он любил веселиться с ними. Они часто бывали у нас дома, и каждый раз кто-то из них пытался ко мне прицепиться. Мальчики постоянно трогали мои вещи, дразнили и были очень шумными. Чаще всего я делала вид, что не замечаю их. Иногда Марик успокаивал своих друзей сам, но если они от меня все никак не отставали, я бралась мстить.

Одному из них я покрасила синие сандалии в розовый, стащив у мамы лак для ногтей. Мальчик даже расплакался, когда увидел свою обувь, а я над ним еще и кривлялась, обзывая плаксой-ваксой. Позже вечером, когда родители того мальчика пожаловались на испорченную обувь их сына, мне влетело от родителей за такую выходку. Но это того стоило, тот мальчик меня больше не дразнил, да и другие стали реже ко мне приставать. И тогда я начала понимать: как бы сильно Марик ни пытался меня защищать, сделать это смогу только я сама.

Вернемся к тому волшебному моменту, когда наконец у меня появилась своя комната. Я видела ее без мебели на картинках, и мама показывала мне, как она будет выглядеть после ремонта. Но мне ужасно хотелось увидеть ее своими глазами. Новенький лифт быстро доставил нас с братом на нужный этаж, и как только его створки открылись, мы побежали к нашей квартире. Марк был быстрее меня и ворвался в дом первым, влетев подобно комете, а я старалась не отставать от него.

При виде нас мама улыбнулась, а затем пожурела за то, что мы бегаем.

– Мама! Покажи, покажи! – Я схватила ее за руку, пританцовывая от нетерпения.

Она рассмеялась, быстро заправила мне за ухо выбившуюся из хвостика прядь и повела в сторону моей комнаты.

– Открывай, – сказала мама, остановившись напротив двери.

Мое сердце билось так часто, словно маленькая колибри, пытающаяся выпорхнуть из клетки. В предвкушении я взялась за ручку двери и опустила ее вниз, слегка толкая дверь вперед.

Напротив двери было огромное окно с широким белым подоконником, на котором лежало множество разных подушек. Я подбежала к нему и нырнула в груды подушек. Справа от окна стояла двуспальная кровать с деревянным каркасом, окрашенным в белый цвет. Застелена она была нежно-розовым покрывалом, которое сочеталось с цветом стен в комнате. Рядом с кроватью стояла белая прикроватная тумбочка с ночной лампой, а напротив – белый стол с розовым стулом, за которым я буду делать уроки или рисовать. Справа от кровати расположился белый шкаф, а рядом с ним такой же белый, но в два раза ниже, стеллаж для сказок и моих вещей. Это была комната мечты: просторная и бело-розовая, как мои любимые маршмеллоу. В ней я чувствовала себя настоящей принцессой. И с годами это ощущение сказочности никуда не ушло. Я по-прежнему любила свою комнату так же сильно, как и в первый раз.

– Ну как тебе, нравится? – спросила мама.

– Очень! Спасибо, я теперь как настоящая принцесса. – Я крепко обняла маму за талию, и она присела, чтобы ее глаза были на уровне моих.

– Эта комната теперь твоя, и ты можешь решать, кого сюда приглашать. И я счастлива, что она тебе понравилась.

Я вновь обняла маму, но уже за шею. Я ее так люблю.

– Спасибо. Только где будут жить мои игрушки? Я не видела их домика.

– У них будет своя комната, – сказала мама, и мы вышли в холл нашей новой квартиры. –

Вот здесь будут жить твои игрушки и игрушки Марика.

Мама открыла дверь в небольшую комнату, по двум стенам которой стояли стеллажи, а у третьей стены, напротив двери, – небольшое кресло. Мои розовые коробки были справа, а игрушки брата – на стеллаже слева. Здесь было очень уютно и можно было прятаться от Марика во время игры в прятки.

– Скажи, это крутота! – подбежал ко мне брат и взял за руку. – Здесь столько места для прятков и догонялок!

Я энергично закивала:

– И собачке место найдется, да, мама?

Она широко улыбнулась и потрепала нас с Мариком по волосам, так ничего и не сказав. Ну ничего, мама, у нас еще есть время, чтобы вас с папой уговорить.

Тогда я еще не знала, что через восемь лет все изменится и у нашей семьи будут совсем другие заботы.

Алисе 16 лет

Я никогда не любила осень. Вся эта пестрая красочность листьев на деревьях не внушала мне радости, как и многим другим. У меня она вызывала раздражение и уныние на пару с вечными спутниками осени – грязью и дождями. Летние грозы, в отличие от осенних ливней, я любила. Они были теплыми и ласково касались лица, если подставить его под дождь. Осенние же дожди после себя оставляли лишь грязь и зябкий холод. Единственный плюс в осени – после нее приходила любимая мной зима.

Но, как бы иронично это ни было, впервые за много лет погода за окном соответствовала моему настроению: на сердце холодно и мрачно. Мама с папой разводятся. И хотя у них это все проходило мирно и оба заботились о том, чтобы мы с Мариком чувствовали себя хорошо, насколько это возможно в данной ситуации, наша семья переживала тяжелое время. Я никак не могла принять то, что папа больше не будет жить с нами. Слишком странно представлять родителей по отдельности. И не могла избавиться от грусти и чувства потери чего-то ценного. Говорили, что все наладится, но я чувствовала, что это не так. Конечно, я понимала, что со временем это пройдет, но сейчас каждый день это чувство было со мной.

– Лисси, ты чего зависла? – наклонившись ко мне, прошептал на ухо брат.

Я отвела взгляд от окна и посмотрела в лицо Марика. Между бровями залегла хмурая складка. Я попыталась разглядить ее пальцем и улыбнулась:

– Все хорошо, просто задумалась.

Марик покосился на учительницу, которая была поглощена чтением отрывка из поэмы Ахматовой «Реквием». Мне нравилось творчество Анны Андреевны и то, как учительница красиво читает, но сегодня мне не было до этого никакого дела.

– Не знал, что ты это умеешь.

Я толкнула брата локтем в бок:

– Как ты разговариваешь со своей сестрой?

– Со всей любовью, на которую я только способен.

Я улыбнулась. С возрастом мы с братом стали ближе, чем в детстве. И он единственный лучик солнца в этом осеннем мраке. Или почти единственный.

– После уроков я заскочу домой, заберу вещи и уеду на все выходные, ты не забыла? – склонившись к моему уху, шепнул Марик.

Я отрицательно покачала головой:

– Я испеку пирог к твоему приезду. Твой любимый, с вишней.

Брат потрепал меня по волосам в знак благодарности. Марик – хоккеист, он целиком и полностью перенял любовь к хоккею от нашего папы. Он не просто играет в хоккей, но и живет так, словно безо льда не видит смысла в жизни. Брат целиком и полностью посвятил себя с раннего детства хоккею и мечтает стать самым лучшим игроком как минимум нашей страны, а как максимум – мира. Его фаворитом с самого детства был Александр Овечкин, и он на него равнялся, желая однажды схлестнуться с ним в борьбе на льду. Я поддерживала его как могла, скучала по нему каждый раз, когда он уезжал на выездные игры. Может, это и глупо, но за все эти годы мы не расставались с ним дольше чем на серию выездных игр. Мы всегда были вместе. И даже короткая разлука была для меня непривычной.

Кто-то легонько похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я увидела смущенную улыбку моей одноклассницы Оли и записку, которую она мне протягивала. Я взяла ее, одними губами прошептала «спасибо» и отвернулась, пока учительница не заметила.

Я раскрывала записку с легкой улыбкой на губах. Я знала, что она от Вани, и мне не терпелось ее прочитать.

Приходи сегодня к нам после школы, посмотрим фильм. Дома будет только Алекс, родители уехали с мелкими на дачу на все выходные.

Пы. сы. Ты сегодня особенно красивая

Мое сердце сжалось от нежности, и я улыбнулась. Посмотрев в ту сторону, где сидел Ваня, я увидела, что он наблюдает за мной. Я прошептала: «Я люблю тебя». И на его тонких губах появилась ухмылка. В ответ он мне подмигнул. Я достала телефон из кармана пиджака и написала ему: «Приду». Забавно, имея телефон под рукой, Ваня предпочитал передавать мне записки на уроках, как когда-то делал папа для мамы. Я вздохнула. В конечном счете у них все закончилось разводом.

– Меня от вас тошнит, – не постеснялся заявить мне Марик. – Почему вы всегда сюсюкаетесь при людях?

– Потому что мы друг друга любим.

– Это не любовь, а сплошное повидло.

– Какое еще повидло, балда?

– Такое, мелочь, от которого все зубы выпадают, если слишком много есть, – как маленькую девочку потрепал меня по волосам Марк.

Я фыркнула:

– Сказал мне самый большой любитель сладкого в мире.

Марик покачал головой, но ничего не ответил. Я знала, что ему не нравится Ваня и он не в восторге от наших отношений, но Марк смирился с этим ради меня, а для такого упертого человека, как он, это уже было немало.

Ваня был чудесным парнем: добрый, красивый, искренний, честный. Он был моим рыцарем на белом коне с десяти лет, а год назад вдруг, совершенно для меня неожиданно, признался мне в любви – и я, ни секунды не сомневаясь, открыла ему свои чувства. Окрыленная своей сбывшейся мечтой – недостижимый принц стал моим парнем, я кружилась в розовых облаках своих чувств, ни на что больше не обращая внимания.

Мы с Ваней знали друг друга с тех самых пор, как я с родителями и братом переехала в новую квартиру. Его семья жила этажом ниже, под нами, и спустя примерно неделю проживания на новом месте мама решила познакомиться с соседями. Она испекла шоколадное печенье и вместе с Мариком и мной спустилась на этаж ниже.

Марк не горел желанием идти с мамой знакомиться с соседями, он бы с большим удовольствием посмотрел мультики, но пошел с нами только потому, что я этого хотела. Я была стеснительной, и знакомства с новыми людьми всегда вызывали у меня волнение, а вот Марк,

наоборот, ничего и никого не стеснялся, ему было абсолютно фиолетово на чужих людей, он вел себя всегда так, как хотел, не подстраиваясь под чьи-либо ожидания. С ним мне было спокойнее, он это знал, поэтому и был всегда рядом.

На шестом этаже была одна-единственная дверь, тогда как на нашем их было две. Мама нажала на кнопку звонка, и из-за двери раздалось мелодичное щебетание птиц.

– Кто там? – спустя несколько секунд мы услышали недовольный мальчишеский голос.

– Ваши соседи сверху, – ответила мама и зачем-то помахала в глазок, широко улыбаясь.

– И что вам нужно? – спросил все тот же недовольный голос.

– Мы здесь, чтобы познакомиться с вашей семьей, – сказала мама. – Я испекла шоколадное печенье.

Она подняла тарелку выше к дверному глазку. Марк фыркнул, ему не нравилось, что печенье, которое сам с радостью съел бы, достанется каким-то незнакомцам.

За дверью послышался второй голос, женский и взрослый. Через секунду входная дверь открылась, и я увидела женщину примерно маминого возраста. Она была в обычной домашней одежде: клетчатые пижамные штаны и такая же свободная рубашка. Ее темные волосы были убраны в высокий хвост. Женщина была очень красивая, как принцесса.

– Извините, пожалуйста, что так долго продержали вас на пороге, – сказала она. – Мой сын бывает очень... вредным.

Женщина запнулась, пытаясь подобрать нужно слово. Мама понимающе ей улыбнулась и кивком головы указала на Марика:

– Поверьте, я вас понимаю. Меня зовут Аля, а это мои дети Марк и Алиса, мы – ваши новые соседи сверху.

– Приятно познакомиться, а я – Лена, – сказала она и отошла от двери, пропуская нас внутрь. – Проходите.

Мама вошла в квартиру, и я, взяв Марика за руку, скользнула вслед за ней.

Мы сразу попали в просторный белоснежный холл с высокими потолками. Наш холл тоже был большим, но не настолько. Если мы приходили с прогулки всей семьей, то было тесновато. А здесь нас было пятеро, и мы совсем друг другу не мешали. Мне это понравилось.

– У вас очень просторно, – сказала мама, протягивая хозяйке квартиры печенье. – Весь этаж – ваш?

– Да, муж купил сразу две квартиры, и мы объединили их в одну большую, когда делали ремонт, – сказала женщина, принимая из рук мамы тарелку. – Спасибо, пахнут они чудесно. Проходите в гостиную.

Мама посмотрела на нас и сняла свои шлепанцы. Мы последовали ее примеру.

– Какие у тебя милые носочки, – сказала мне хозяйка квартиры. – В детстве я тоже любила все розовое.

Я улыбнулась, и мои щеки стали пунцовыми. Ее слова меня смущили, и я сделала шаг назад, прячась за маму. Марик заметил мою нерешительность и, как всегда, бросился меня защищать.

– А как вам мои носки? – спросил он.

Женщина посмотрела на его ноги, и по ее лицу было видно, что она сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– Они очень интересные, – нашлась она, но ее глаза искрились весельем.

Мама опустила голову и увидела, что на большом пальце брата образовалась дырочка. Ее щеки стали красными, но я так и не поняла, была ли это злость или же смущение.

– Я сам их выбирал, – гордо вздернув подбородок, сообщил брат.

– Марк, я тебя просила их переодеть, – пожурела его мама.

Брат лишь пожал плечами, а затем повернулся ко мне и подмигнул. Таков уж он был.

– Так, значит, тебя зовут Марк, а как тебя зовут, малышка?

– Алиса, – тихонечко отозвалась я, все еще немного стесняясь.

Женщина кивнула:

– А меня можете называть тетя Лена, а это мой старший сын Алексей.

Мальчик на вид был старше нас с Марком и все это время молча стоял, прислонившись к белоснежной стене, и наблюдал за нами.

– Приятно познакомиться, – сказала моя мама и протянула ему руку.

Он продолжал смотреть на нас так, словно мы были не больше чем жалкие мухи, залетевшие к ним в квартиру.

– Я буду в своей комнате, – оттолкнувшись от стены, сказал он и, сунув руки в карманы шорт, ушел в глубь квартиры, и мы услышали, как закрылась одна из дверей.

Повисло неловкое молчание.

– Вы простите Алексея, обычно он не такой, – сказала тетя Лена. – Он просто сердится на меня, вот и ведет себя некрасиво.

Мама махнула рукой, мол, не волнуйтесь, я все понимаю.

– Пойдемте пить чай, – сказала хозяйка дома, и мы последовали за ней.

Их квартира была просто огромной и белоснежной. Кухня была совмещена с гостиной, в середине которой стоял большой обеденный стол, а рядом детский стульчик для кормления.

– У вас есть еще дети? – заметив этот стульчик, спросила мама.

– Да, двое. – В голосе женщины проскользнули нотки нежности, когда она заговорила о детях. – Алексей старший, ему десять, Ванечка средний – ему восемь, и Мишка, ему два года. Но сейчас они спят.

– Марику и Лиссе тоже по восемь лет, – сказала мама.

– Так они близнецы?

Мама кивнула.

– Они чудесные, – сказала тетя Лена, глядя на нас с Мариком.

По ней было видно, что сказано это от чистого сердца. От тети Лены веяло материнскими теплом и заботой. Рядом с ней мне было спокойно, и спустя несколько минут я позволила себе расслабиться, стеснение начало потихоньку исчезать. Марик заметил это и, кажется, тоже расслабился. Из нас двоих я была старшей, ведь я появилась на свет раньше на несколько минут, но защищал меня всегда Марк, постоянно напоминая о том, что я мелочь.

Мама с тетей Леной разговаривали, а мы с Марком сидели рядом и пили чай с самым вкусным шоколадным печеньем в мире. Я разглядывала квартиру, мне нравилось здесь все больше и больше. В гостиной было много стеллажей с книгами, напротив огромного телевизора стоял большой красный диван. Я видела, как заинтересованно Марик поглядывал на него, наверняка прикидывая, как круто смотреть мультики на таком экране. Я тоже любила смотреть мультики, только, в отличие от брата, мне нравилось смотреть зарубежные на оригинальном языке. Да и в целом английский язык давался мне гораздо легче, чем русский.

Несмотря на то что здесь было много свободного пространства и не так много мебели, квартира казалась очень уютной. Я быстро подсчитала, что из гостиной было видно шесть дверей слева и шесть справа, за которыми, судя по всему, скрывались детские комнаты и ванная.

Не знаю, сколько времени прошло, когда одна из дверей внезапно открылась и оттуда вышел мальчик. Его каштановые волосы были взлохмачены и напоминали каракули, вроде тех, что я рисовала в детстве. А глаза были сонными и, кажется, совсем не хотели открываться полностью.

– Ма-а-ам, я проснулся, – подойдя к тете Лене, сказал мальчик. Нас, кажется, он совсем не замечал. – Хочу кушать.

Тетя Лена поцеловала сына в макушку.

– Ванюша, у нас гости, познакомься. – Мальчик поднял на нас сонный взгляд. – Это тетя Аля, а это ее дети – Алиса и Марк. Они наши соседи сверху.

– Здравствуйте, – поздоровался мальчик и протянул руку Марку, сделав несколько шагов в его сторону. – Приятно познакомиться.

Брат слегка прищурился, прежде чем пожать протянутую руку. В отличие от Алексея, Ваня показался мне дружелюбным и вежливым. Прошептав маме что-то на ухо, он скрылся за одной из дверей, а тетя Лена тем временем поставила обед в микроволновку.

– Может, вы тоже хотите есть? – спросила у нас хозяйка квартиры.

Мы с Мариком синхронно покачали головами. Есть нам совсем не хотелось. А вот в туалет – да. О чем я и сообщила маме на ушко. Спустя пару минут, когда я пыталась дотянуться до крана, чтобы помыть руки, дверь, ведущая в другую комнату, внезапно распахнулась.

– Я же сказал тебе сюда не заход... – Голос Алексея был полон злости, но, увидев меня, он замолчал.

Я испугалась и сделала неловкий шаг назад.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он.

– Я хотела помыть руки, – тихонько произнесла я.

Он пристально смотрел на меня несколько секунд, а затем раздраженно покачал головой, подошел к умывальнику и открыл кран, слегка регулируя его, чтобы температура воды была комфортной.

– Мой, – велел он.

Я не стала спорить. Алексей пугал меня своим тоном и холодным взглядом, я быстро поднялась на носочки и помыла руки. Вода была теплой. Я не решилась испытывать терпение мальчика, поэтому не стала намыливать руки мылом. Когда я закончила, он протянул мне бумажное полотенце, и я вытерла руки.

– Спасибо, – снова прошептала я, не решаясь говорить громче, – Алексей.

Услышав свое имя, он скривился.

– Чтобы больше я тебя здесь не видел, – сказал он и вышел в ту дверь, через которую пришел.

Я выскочила в другую дверь и понеслась к маме.

– Я все, – сообщила я, запрыгивая на стул.

О том, что произошло в ванной, я никому не рассказала. Но после того случая с Алексеем старалась держаться от него как можно дальше. Как и сейчас. Спустя столько лет он стал еще более несносным, чем был в детстве.

С Ваней в тот день мы не обмолвились ни словом. Наши мамы со временем подружились, и мы часто бывали друг у друга в гостях. Иногда наши семьи проводили время вместе, но из-за занятости наших отцов это случалось крайне редко. Со временем я подружилась с Ваней, а Марк предпочитал играть с Алексеем. Тот относился к моему брату дружелюбно, а вот меня и Ваню он то совсем не замечал, словно считал нас мелкими букашками под ногами, то отпускал в наш адрес идиотские шуточки, чем изрядно бесил меня и раздражал Ваню. Я называла его Алексеем. Со временем я заметила, что его это бесит, и, не знаю почему, мне нравилось видеть его недовольное лицо, когда я произносила его полное имя. Да что уж там, это доставляло мне настоящее удовольствие. Так я могла отыграться, отплатить ему той же монетой. Глупо – да, но пусть маленькая, но месть.

Я часто пропадала у Вани дома, как и он у меня. Но наедине остаться у нас получалось редко: у них было шумно из-за годовалой Маруси, а у нас всегда перед носом маячил мой брат. Он, словно сторожевой пес, следил за каждым нашим шагом. Поэтому время, которое мы собирались провести сегодня наедине, для меня было очень ценным.

После школы мы втроем пошли домой. Ваня крепко держал меня за руку. Марк шел рядом и рассказывал какую-то смешную историю, но я ее почти не слушала, полностью поглощенная мыслями о моей руке в теплой и сильной Ваниной ладони. И о том, что мне до жути хочется его поцеловать. Конечно, мы уже целовались, но не при Марике. Это казалось мне

ужасно неловким. К счастью, Ваня меня понимал и лишний раз не приставал с поцелуями. И мне это нравилось.

Словно прочитав мои мысли, Ваня на секунду сжал мою руку сильнее. Я ему улыбнулась. Подул холодный октябрьский ветер, и я уткнулась лицом в шарф.

В подъезде мы разошлись по своим квартирам. Я переделалась в домашнюю одежду: спортивные серые штаны и любимую толстовку оверсайз нежно-розового цвета. Волосы заплела в косу и перекинула ее через плечо.

Мамы дома не было, поэтому, сказав Марику, что я буду у Лисовских, быстренько чмокнула его в щеку и упорхнула в соседнюю квартиру. Как только мои пальцы коснулись дверного звонка, дверь тут же открылась, и я в ту же секунду оказалась в Ваниных объятиях. Его дыхание согревало щеку. Он был ненамного выше меня, и это было удобно для поцелуев. Я слегка отстранилась и подняла голову, намекая, чего я хочу. Не знаю почему, но я никогда не целовала Ваню первой и даже не осмеливалась вслух попросить об этом. Я как будто стеснялась своих желаний. Хорошо, что он всегда понимал, чего я жду, и сам целовал меня.

Он улыбнулся, а затем его губы коснулись моих, и я с радостью ответила на ласку. Поцелуй был легким, словно Ваня совсем этого не хотел. Я отбросила такие мысли в сторону. Он просто боялся сделать что-то не так, вот и осторожничал. А мне хотелось большего от поцелуя, чтобы он был таким головокружительным, таким перехватывающим дыхание, о каком в стихах писала Марина Цветаева, но просить об этом Ваню я не решалась. Взять инициативу в свои руки тоже было страшно. Поэтому я лишь надеялась, что однажды он сам решится меня так поцеловать.

– Как же жалко это выглядит. – Услышав мужской голос, я вздрогнула и отступила на шаг от Вани. – Малой, если нужно пару советов, обращайся, помогу с теорией.

Алексей нагло ухмылялся, глядя на нас. Я чувствовала, как по моим щекам и шее растекается жар.

– Не нуждаюсь, – фыркнул Ваня и, взяв меня за руку, направился в гостиную. – Постарайся не ошиваться здесь, пока мы смотрим фильм. Не хочу, чтобы твоя физиономия испортила мне вечер.

Я нахмурилась. Обычно мы зависали в комнате Вани, там была более приватная обстановка. К тому же дома был Алексей, и я не поняла, зачем мы пошли в гостиную, но спросить не успела, Алексей меня опередил.

– Ко мне скоро придут парни, мы зависнем у телика за хоккеем, – сказал он. – Так что скройтесь в комнате и не отвесчивайте.

– Смотрите у тебя в комнате, в чем проблема? – усмехнулся Ваня и плюхнулся на диван. Я осталась стоять рядом, пытаюсь понять, что происходит. Эти двое постоянно находились в конфликте, но сегодня это ощущалось особенно остро.

– Что будем смотреть? – спросил Ваня, игнорируя присутствие старшего брата и включая телевизор.

– Малой, я сказал: проваливайтесь в твою комнату, – скрестив руки на груди, повторил Алексей.

– Вань, правда, давай у тебя в комнате посмотрим фильм, – вмешалась я.

Во-первых, мне не нравилось, что мы будем смотреть фильм на виду у незнакомых людей. А во-вторых, я стала злиться из-за того, что меня втягивают в перепалку.

– Послушай свою девушку, Иван-дурак, – снова подал голос Алексей. – Обжиматься на виду у всех не так интересно, как за закрытой дверью.

Я бросила на него уничтожающий взгляд, но на Алексея это никак не подействовало.

– За словами следи. – Кажется, Ваня тоже начал закипать. – Я тебе уже сказал: мы остаемся здесь.

– Я не хочу смотреть фильм здесь, – раздраженно бросила я и, чтобы Алексей не услышал вторую часть предложения, нагнулась к Ване и прошептала на ухо: – Мне будет некомфортно.

Ваня посмотрел мне в глаза, и я видела, как сильно он раздражен. Наконец он выдохнул, а затем так же тихо прошептал мне на ухо:

– Пожалуйста, потерпи, я не могу ему уступить, – а затем добавил: – Ради меня.

Мне хотелось наорать на него и сказать, что он ведет себя как маленький ребенок, но не стала закатывать сцену перед его старшим братом. Я послушно села рядом с ним на диван, про себя обзывая Алексея последними словами. Если бы он не был таким засранцем и не доводил Ваню при любом удобном случае, тот бы не стремился насолить ему в ответ. Я еще не знала, что между ними сегодня произошло, но была уверена, что Алексей снова его чем-то разозлил. В этом он был хорош.

Алисе 18 лет

Вот что я поняла за восемнадцать лет своей жизни: строить планы почти так же бесполезно, как и пытаться вскипятить воду в минус сорок. Конечно, можно пробовать что угодно, однако будет ли эффект? Иногда проще подстроиться под работающую систему, чем пытаться ее обойти. Потому что, как бы мы ни хотели верить в лучшее, рано или поздно реальность бьет нас лицом об лед. А это больно.

Полгода назад мы с Ваней расстались, и если бы я могла вернуться в прошлое, то отвесила бы себе десятилетней хорошую затрещину за то, что тогда воображала себе счастливую жизнь со своим принцем.

– Я не хочу поступать в Москве, – сказала я тогда Ване в сотый раз. – Мне нравится наш город и университет, который я выбрала.

Мне казалось, мы уже в тысячный раз обсуждали эту тему, сталкиваясь лбами. Ваня собирался учиться в МГИМО и хотел, чтобы я поступила туда же.

– Ну почему? – повысив голос, он вскочил со стула. – Это один из лучших вузов в столице! В Москве куча возможностей, и ты пройдешь на бюджет, я уверен!

Я вздохнула. У меня не осталось никаких сил в который раз спорить с ним на эту тему. Он никак не мог принять тот факт, что я не поеду с ним и останусь здесь. Сколько ссор мы пережили из-за этого, не сосчитать. Ване казалось, что жизнь в разных городах отдалит нас друг от друга и в конце концов нам придется расстаться. Я и сама не хотела бы жить вдали от него так долго, но еще больше не хотела отсюда уезжать. Здесь моя семья, мой дом. И я верила, что мы справимся с расстоянием.

– Ты прав во всем, – согласно кивнула я. – Но я не хочу уезжать, мне это не нужно. Мне хорошо здесь.

– Кому здесь может быть хорошо? – не унимался Ваня и начинал заводиться. – Ты сама себя обманываешь, просто боишься что-то изменить в своей жизни. Ты всегда была нерешительной.

Его последняя фраза больно кольнула. С каждой нашей ссорой он находил все больше моих уязвимых мест и попадал в них с завидной точностью. Я понимала, что это было сказано на эмоциях, но тем не менее с каждой новой ссорой я все больше убеждалась в том, что остаться в городе – правильное решение. Захотелось сразу же прекратить этот разговор и больше никогда к нему не возвращаться. Чем сильнее я с ним не соглашалась, тем больше он терял контроль и переходил грань дозволенного. Но бегством делу не поможешь – это я знала точно. Прикусив изнутри щеку, я сказала:

– Давай разговаривать как взрослые люди, без эмоций. Мне неприятен твой тон.

– Без проблем, – усмехнулся он. – Может, мне тоже много чего неприятно, но я молчу, только бы тебе было хорошо.

Он никогда не молчал.

– Ваня, прошу тебя, давай серьезно.

Он скрестил руки на груди и невесело рассмеялся. Ваня выглядел обиженным и вместо того, чтобы решить все спокойно, пытался побольнее меня уколоть. И это срабатывало. Я

понимала, что адекватного, неэмоционального диалога у нас уже не получится. Но эту тему нужно было закрыть раз и навсегда. Больше я ее обсуждать не собиралась, потому что все, что хотела сказать, уже сказала. И менять свои планы не собиралась. Даже ради него.

– Ладно. – Он пожал плечами. – Если ты не едешь со мной в Москву, мы расстаемся. Достаточно серьезно?

Из меня будто выбили весь воздух, и я молча уставилась на своего парня. Я не могла поверить в то, что он произнес это вслух.

– Ты это несерьезно.

– Нет, Алиса, мы закончим с этим прямо сейчас. Так что ты скажешь?

Я чувствовала, как внутри разбивались мои детские мечты о принце на белом коне. Да, в последнее время мы часто ссорились из-за поступления, у нас была куча разногласий, но мы ведь должны были справиться с этим. Вместе. Разве не так? Во всех сказках, прочитанных мной, именно этим все и заканчивалось, – счастливым концом. Тогда почему я сейчас должна сделать выбор без выбора? Что бы я ни решила, это принесет мне боль. Если останусь здесь, то потеряю близкого человека, а если уеду – предам себя. Что за идиотская ситуация? Мои пальцы задрожали, и я сжала их в кулак, пытаюсь держать себя в руках.

– Мне нужно подумать. – Я попыталась встать с кресла, но Ваня удержал меня за плечи на месте. Его взгляд был бешеным, а ноздри раздувались в такт его гневному дыханию.

– Нет, ты ответишь сейчас.

– Да что с тобой такое? – не выдержала я. – Почему ты ведешь себя как козел?

– Потому что ты не оставляешь мне выбора.

Каждая клеточка моего тела была парализована страхом. Нет, я не боялась Ваню. Это не первый раз, когда я видела его в гневе, и точно знала, что он не причинит мне физического вреда. Однако он бил куда сильнее словами, своим взглядом и холодным тоном. Я была на грани того, чтобы разрыдаться перед человеком, который в данный момент вел себя так, словно я грязь, прилипшая к его дорогим белоснежным кроссовкам.

Я бы соврала, сказав, что раньше не думала о расставании. В моменты наших сильных ссор мне всегда казалось, что надо ставить точку в наших отношениях. Но потом все как-то налаживалось, приходило в норму и забывалось. Я часто списывала это на подростковые гормоны, все же мы и были подростками. И Ваня всегда извинялся, одаривал меня вниманием и приятными сюрпризами. Я снова верила в то, что больше такого не повторится.

Но сейчас я не могла найти никакого объяснения поведению Вани. Да и, наверное, не хотела. Возможно, это был тот самый конец, когда нужно поставить точку, даже если это больно и страшно. Нужно иметь силы признать, что я устала от этого. И если уж я должна была сделать выбор прямо сейчас, так и будет. Любой из вариантов сделает мне больно, так пусть это будет тот, в котором я наконец выбираю себя.

– Я остаюсь здесь.

– Ты сама так решила.

Больше мы друг другу не сказали ни слова. Я молча встала и на ватных ногах вышла из комнаты Вани. В гостиной сидели Миша с Марусей и смотрели какой-то мультфильм. Тетя Лена что-то готовила у плиты и, кажется, увидев меня, что-то сказала. Я шла словно робот прямо к входной двери, которая из-за скопившихся в глазах слез становилась расплывчатой. Одно слово гудело у меня в голове: *Расстались! Расстались! Расстались!*

Я помню, как пришла домой, сняла новенькие кроссовки, джинсовую куртку, ввалилась в комнату брата и только тогда перестала сдерживаться. Увидев меня, Марик тут же вскочил и бросился меня обнимать, обеспокоенно проверяя, не ранена ли я, и спрашивая, что случилось.

Я была цела, а сердце глубоко ранено и, казалось, что не сможет зажить никогда.

– Мы расстались, – это все, что я тогда сказала брату.

Марик притянул меня ближе, и мы упали на его кровать. Я положила голову ему на грудь и, не сдерживая рыданий, плакала, а он молча обнимал меня за плечи. Я оплакивала мечты, которые столько лет холила и лелеяла в своем сердце. Марк гладил меня по волосам и шептал слова утешения, пока я не уснула.

На следующий день я проснулась с сильной головной болью и опухшим лицом, Марка рядом не было. Во рту было сухо, а в голову и уши словно кто-то напихал ваты.

Это был день нашего выпускного, и идти туда я не собиралась. Может, это и было импульсивным решением, но я жалела лишь о времени, потраченном на поиски идеального платья. Этот день для нас с Ваней должен был быть особенным. Но между нами ничего больше уже не будет. К горлу снова подкатил ком, когда я вспомнила вчерашний вечер.

Встав с кровати я направилась в ванную. Нужно было умыться и привести себя в порядок. В тот момент, когда я почти скрылась в дверях ванной, раздалась трель входного звонка.

Я поплелась к двери и, даже не потрудившись посмотреть в глазок, открыла дверь и увидев Алексея.

– Марка нет дома, – сказала я и хотела закрыть дверь, но он удержал ее рукой..

– Я его подожду, – сказал мой неожиданный гость и прошел внутрь квартиры.

– Конечно, ни в чем себе не отказывай, – съязвила я.

Он улыбнулся, и его и так острые черты лица, кажется, стали еще острее. Он был похож на Ваню, а это последнее, что мне сейчас нужно. Интересно, он уже знает, что мы расстались?

– А я-то думал, почему сегодня в моей комнате было так сыро, – улыбнулся Алексей. – Оказывается, это ты залила все своими слезами, Плакса.

Я прищурилась. Почему-то меня задела его шутка, но показывать ему этого я не собиралась.

– Лучше бы подумал, почему в двадцать лет ты все еще живешь с родителями, – огрызнулась я.

Пару секунд он просто смотрел на меня, а затем искренне расхохотался. Я и не знала, что он так умеет.

– А ты, оказывается, Плакса, та еще злока по утрам.

Я вздохнула. Сил, чтобы с ним препираться, у меня не было.

– Послушай, Алексей. – Услышав свое полное имя, он, как обычно, немного поморщился. – У меня нет ни сил, ни желания с тобой разговаривать. Я иду в ванну, а ты, раз уж сам себя пригласил в НАШ дом, можешь подождать Марка в гостиной или в его комнате.

Я заперлась в ванной. Сейчас я уже не так боялась Алексея, как когда-то в детстве. Для меня он был просто несносным старшим братом моего парня. Теперь уже бывшего парня. В глазах заципало, и я поняла: если еще раз подумаю о Ване, то могу снова разрыдаться. Показываться в таком виде перед Алексеем не хотелось. Я открыла кран с холодной водой и плеснула себе в лицо, стараясь успокоить жжение в глазах. Со временем у меня получится не плакать каждый раз, когда хоть на секунду подумаю о Ване.

Я умылась, нанесла на лицо маску и патчи, чтобы хоть как-то убрать мешки под глазами. Затем встала под душ, и мое тело медленно начало расслабляться. Горячие струи били по напряженным мышцам, с каждым ударом капель о кожу расслабляя их все больше. Я тщательно вымылась и чувствовала себя немного лучше. Все еще разбита, но внутри, а значит, этого не видно.

Я закуталась в полотенце и прошмыгнула из ванной в свою комнату. Не хотелось в таком виде встретиться с Алексеем. Достала из комода плюшевые розовые пижамные штаны и старую черную хоккейную футболку брата. Я давно ее у него стащила, но носила крайне редко, потому что она была слишком большой и в ней было жарко. Но сейчас, когда в доме Алексей, мне не хотелось перед ним ходить в своих обычных пижамных шортах и майке. Это казалось неправильным, поэтому я напялила на себя самую мешковатую одежду.

Надела тапки с мордочкой лисы, которые подарил мне Марик на наш прошлый день рождения. Он часто называл меня ласково Лисси и постоянно дарил какие-нибудь милые вещи с лисами, говоря, что это мое тотемное животное. Мне нравились его подарки, но в сказках лисы были хитрыми и изворотливыми – а я ни тем, ни другим качеством не обладала. Я скорее была той самой мышью, которую эта лиса съела бы.

Я вышла из комнаты и почувствовала запах кофе и яичницы. Войдя на кухню, кажется, даже раскрыла рот от удивления: Алексей сидел за нашим столом и уминал яичницу с сосисками.

– Ну ты и наглый! – сказала я и села напротив, наблюдая за тем, как яичница исчезает у него во рту.

– Не беспокойся, тебе я тоже приготовил, – ухмыльнулся он и сделал глоток кофе из моей чашки. МОЕЙ чашки!

– Ты живешь этажом ниже. – Я решила напомнить ему, если он вдруг забыл. – Но ешь нашу еду!

– Так ты не только плакса, но еще и жадина? – глумился надо мной парень.

– Неужели тетя Лена не научила тебя манерам?

Он закинул себе в рот кусочек сосиски и, жуя, ответил:

– Она пыталась.

Словно зачарованная, я продолжала наблюдать, как пустеет его тарелка.

– Это моя кружка, – зачем-то сказала я.

Алексей лишь шире улыбнулся и подмигнул мне.

– Ты знал, что она моя! – Я вскочила со стула. – Ты, гад такой, специально ее взял!

– Розовый – мой любимый цвет, – серьезно сказал он. – А ты очень негостеприимная. Еще и обзываешься.

Я хотела сказать, что скоро его любимым цветом станет поминально-черный, когда я его придушу. Но... не сказала. Сил спорить с ним сегодня у меня не было, а все именно к этому и шло. Вместо этого я достала из кухонного шкафчика тарелку и положила себе яичницу, все еще не веря, что ее приготовил Алексей. На сковородке оставалась еще порция. Я налила кофе и повернулась к столу. Взгляд Алексея блуждал по моему лицу, а между бровями залегла складка. Он хмурился, словно пытался решить какое-то уравнение и не понимал, почему у него ничего не выходит. Меня так и подмывало спросить, почему он на меня пялится, но я сдержалась. Как там говорят, меньше знаешь – крепче спишь?

Я села напротив него и принялась молча есть. Желудок благодарно и очень громко заурчал, так что наверняка Алексей услышал, и я смутилась. Но он не сказал ни слова.

– У вас есть что-нибудь сладкое? – спросил вдруг Алексей. – Я привык утром пить кофе с десертом.

– А ты что же, не все шкафчики облазил? – Я скривилась.

Алексей улыбнулся. Видеть его улыбающимся было дико. Мы нечасто пересекались, но, когда я бывала у них дома, его лицо всегда оставалось непроницаемым. Лишь изредка, когда он пытался подколоть нас с Ваней, на его лице появлялась ухмылка, но не улыбка.

– Не успел, – признался он. – Так что?

Я ничего не ответила.

– Предлагаешь мне самому поискать?

– Ищи у себя дома, Алексей, – сказала я. – Он этажом ниже, если ты вдруг забыл.

Он пожал плечами и встал. Я уже обрадовалась, что он меня послушал и собрался к себе домой, но он принялся открывать наши кухонные шкафы. Я вскочила со стула.

– Ты офигел? – Я ударила его по руке, когда он потянулся к очередной ручке.

– Ты сама спросила, все ли я облазил.

Моему возмущению не было предела.

– Если ты не собираешься дать мне то, чего я прошу, то не мешай, – сказал Алексей и продолжил рыскать по нашим шкафам.

– Наглец, – только и смогла сказать я.

Он улыбнулся еще шире, и я понадеялась, что его физиономия вот-вот треснет. Но увы, его лицо осталось целым и невредимым. Какая жалость! Может, он такой счастливый, потому что уже знает о нашем с Ваней расставании, поэтому и заявился сюда, чтобы позлорадствовать. Возможно, мы бы еще долго спорили, но в замочной скважине послышался поворот ключа, и в прихожей появился Марик.

– Слава богу, – сказала я, увидев брата. – У тебя ужасный вкус на друзей.

– В смысле? – не понял он.

Алексей прислонился к дверному косяку и засунул руки в карманы спортивных штанов.

– Если исходить из твоей логики, Плакса, то тогда это у тебя ужасный вкус на парней, учитывая, кто мой брат, – ухмыльнулся Лисовский.

Упоминание Вани болью отозвалось в моем сердце, и я почувствовала, что глаза вновь наполняются слезами. Ничего не сказав, я развернулась и ушла в свою комнату. Не хватало еще разрыдаться при этом идиоте. И, уже закрывая за собой дверь, услышала:

– Ну зачем ты так? – спросил мой брат.

Что ответил его друг и ответил ли вообще, я не знаю. Закрывшись у себя в комнате, я рухнула на постель и дала волю слезам. Конечно, я не собиралась плакать до конца своих дней, но сегодня я себя за это ругать не буду.

На выпускной вечер ни я, ни Марик не пошли. Мама пыталась меня уговорить, но в итоге поняла, что это бесполезно. С того дня я не видела ни Ваню, который уехал учиться в Москву, ни его старшего брата. Это было к лучшему.

Алисе 18 лет

Сегодня был наш с Марком восемнадцатый день рождения, и с самого утра мы отправились с родителями в кафе на завтрак. Папа специально ради нас прилетел на несколько дней из Москвы. Почти сразу после развода с мамой он улетел в столицу и устроился работать в Федерацию хоккея, где курировал нашу молодежную сборную.

Его давно приглашали на эту должность, но он всегда отказывался, потому что вся его жизнь была здесь. С нами. И все же я была рада, что он решил принять предложение. Развод не прошел бесследно ни для кого из нас, но у меня был Марик, чтобы помочь справиться. А у папы оставался только хоккей.

Мама же обзавелась небольшой кофейней в нашем районе. Папа сделал ей такой подарок в знак благодарности за совместно прожитые годы и за нашу чудесную семью. Я не лукавила, именно это он и сказал, когда мы всей семьей сидели в кафе после суда, откуда родители вышли свободными людьми. Мама расплакалась и поблагодарила папу за то, что он исполнил ее мечту.

Я была рада, что каждый из моих родителей нашел себя в чем-то, но было невообразимо грустно от того, что они потеряли свою любовь и крепкую семью, которую строили долгие годы.

Когда я спросила у мамы, почему они решили развестись, она мне сказала, что брак – это парный танец, наполненный страстью, чувственностью и любовью. Когда один из партнеров больше не может танцевать, нужно уходить из парных танцев в сольные или же искать нового партнера. В общем, ее метафора была мне понятна, но конкретного ответа я так и не получила. Мама не любила говорить на эту тему, родители все так же относились друг к другу с любовью и уважением, но было понятно, что далось им это нелегко. И я не хотела терзать эту рану своими вопросами. У каждого из них теперь была своя, надеюсь, счастливая жизнь.

– С днем рождения, дети, – подняв бокал с соком, произнес папа и протянул нам подарки. – Открывайте.

Мы коснулись бокалами и сделали пару глотков, затем поставили их на стол и потянулись к подаркам.

Я открыла коробочку, и мое сердце сжалось. Внутри лежал новый мобильный телефон. Мы не были богачами, но папа довольно долго был профессиональным игроком в хоккей и выступал за самые лучшие клубы. Он хорошо зарабатывал и инвестировал, чтобы деньги, как он говорил, работали. Куда именно, я никогда не спрашивала, меня этот вопрос не интересовал. Доход был стабильным, и его хватало для достойной жизни, да и сейчас папа занимал хорошую должность, и его заработок позволял нам жить, ни в чем не нуждаясь.

Но все равно меня тронул этот подарок, ведь он означал, что, хотя папа теперь жил не с нами и общались мы с ним в основном онлайн, он все так же заботился о том, чтобы у нас было все необходимое.

– Спасибо. – Я перегнулась через стол и чмокнула папу в щеку.

– Охренеть! – воскликнул Марик, открывая свой подарок. – Это значит, я в сборной?

Папа коротко кивнул, и в его серых глазах разлилось тепло. Он гордился Марком не только потому, что тот был одним из лучших в своей хоккейной команде, но и потому, что сын попал в молодежную сборную страны.

– Марк, подбирай выражения, – пожурила мама брата.

Но он ее не слышал. Марик развернул новенькое хоккейное джерси в цветах сборной со своей фамилией на спине. Он выглядел таким по-детски счастливым, что у меня в глазах защипало. Кажется, в эту секунду мое сердце готово было растаять. Он так много и усердно работал, чтобы получить это джерси, и я очень им гордилась.

– Когда я уезжаю? – спросил он у папы.

– Еще не скоро, – ответил он. – Пока продолжай забрасывать шайбы в своем клубе.

Марк кивнул, а я спросила:

– Куда ты собрался уезжать?

– В Москву, конечно, – ответил он.

Конечно. Он теперь игрок сборной, а тренировочный центр в Москве. Это значило, что Марк должен уехать. Я буду сама по себе здесь, а он там. Видимо, мое лицо стало настолько унылым, что брат обнял меня и притянул к себе.

– Если хочешь, я останусь, – сказал он мне.

Душа ушла в пятки, и мне стало страшно, потому что за восемнадцать лет мы ни разу не расставались надолго. С тех пор как появились на свет, мы всегда все делали вместе: вместе учились ползать, ходить и говорить. Вместе пошли в детский садик, а затем и в начальную школу, сидели за одной партой и делали домашние задания. Все наше первое мы разделяли друг с другом: улыбки и слезы, обиды и радости. Я не представляла, как буду без него.

Конечно, у меня были школьные друзья, близкие мне здесь люди, я не останусь одна, но Марк – мой самый лучший друг, он – часть меня. И как бы сильно мне ни хотелось попросить его остаться, я не могла. Это было бы слишком эгоистично с моей стороны. Хоккей был всей его жизнью, и я знала, что, попроси я остаться, он бы так и поступил. Но я желала ему счастья и не заставила бы выбирать. Не знаю, как можно испытывать такие противоречивые чувства: я была рада за брата и в то же время не хотела, чтобы он уезжал.

– Все в порядке, – сказала ему я. – Без тебя они не выиграют ни одного матча.

Брат ухмыльнулся, а затем разомкнул объятия, чтобы посмотреть мне в лицо.

– Серьезно, Лисси, я могу отказаться, – повторил он, явно беспокоясь обо мне. – Я сыграю в НХЛ независимо от того, буду играть за сборную или нет.

Я улыбнулась его самоуверенности:

– Все будет отлично. Не беспокойся обо мне. Я уже взрослая девочка и сама могу за себя постоять.

Это правда. В детстве я была застенчивым ребенком, но с возрастом это прошло. И Марку больше не нужно быть моим защитником, я могу позаботиться о себе сама. Однако без него первое время мне будет непросто.

– Ты можешь переехать вместе с братом, – сказал папа. – Я сниму вам квартиру, и ты будешь присматривать за этим балбесом. Поверь, без тебя ему будет сложнее, чем тебе без него.

Идея уехать вместе с Мариком была заманчивой, но меня, если честно, большая, шумная, неизвестная Москва не привлекала. Как я сказала Ване, когда он настаивал на моем переезде в Москву, – мой дом здесь. И пока ничего не изменилось.

– Я подумаю над этим, – сказала я.

Мы просидели в кафе еще около часа. Мама подарила нам обоим сертификаты: мне – в женский магазин одежды, а Марку – в спортивный. Родители рассказывали нам забавные истории из нашего детства. Конечно, мы слышали их не раз, но они никогда не надоедали, и

вообще, было неизвестно, когда в следующий раз наша семья соберется вместе. Так что сейчас время, проведенное всей семьей, было на вес золота. С тех пор как папа уехал, я не чувствовала себя так хорошо, как сейчас.

Позже родители отвезли нас домой, а сами уехали на дачу. Мы давно договорились, что сегодня устроим вечеринку с друзьями. В большей степени ее хотел Марк, а я его поддержала. У него был повод собрать вместе всех своих друзей перед скорым отъездом, а я просто хотела видеть его счастливым. Мама и папа всецело нам доверяли, поэтому без проблем согласились на этот праздник. Конечно, не обошлось без наставлений, но мы отделались малой кровью.

– Он придет? – спросил Марик, когда мы поднимались в лифте.

Я покачала головой:

– Нет, я его не приглашала.

– Хорошо.

Со дня нашего расставания с Ваней мы больше не общались. Поначалу я втайне надеялась, что все, что мы наговорили друг другу, было сказано сгоряча и мы еще помиримся. Потом я начала злиться на него за то, что он ничего не делал, чтобы помириться. Много плакала и страдала, сражаясь сама с собой в игре «позвоню ему первая», но так этого и не сделала. В конце концов, когда он уехал, я поняла, что мы расстались окончательно, и перестала надеяться. Теперь я пыталась строить свою жизнь без Вани.

Мы закупились чипсами, сухариками, попкорном и прочими закусками, а еще пластиковыми стаканчиками и тарелками, чтобы после праздника не нужно было мыть посуду. Из приглашенных гостей никто не пил алкоголь, у друзей Марика, хоккеистов, – спортивный режим. Мои подруги тоже были не против вкусной газировки.

– А что мне надеть? – вдруг спросила я.

– Что хочешь. – Брат пожал плечами. – Главное, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

И помни, если ты устанешь от шума, скажи мне, и мы в любой момент закончим.

Чаще меня радовало то, что Марик продолжает меня защищать, но иногда мне казалось, что он все еще видит во мне ту маленькую стеснительную девочку, какой я когда-то была. Я уже не та малышка, вечно прятавшаяся за спиной старшего брата.

– Не беспокойся обо мне, я уже взрослая, между прочим, как и ты. Я могу сама за себя постоять.

– Знаю, но, наверное, я не могу не беспокоиться о тебе.

Я кивнула. Потому что сама не могла не беспокоиться о нем.

Я пошла в свою комнату, чтобы переодеться. Гости будет не много. Ребята из хоккейной команды Марка и две мои школьные подруги, которых я пригласила.

В квартире было достаточно тепло, поэтому я решила надеть обычные джинсовые шорты и старую хоккейную футболку Марика. Это же не официальное мероприятие, просто посиделки с друзьями, так что такой наряд вполне подходил.

К семи часам вечера гости начали собираться в нашем доме.

– Это Андрей, наш капитан, – представил мне первых прибывших гостей Марк. – А это его девушка – Саша.

– Приятно познакомиться. – Я пожала им руки. – Алиса.

– С днем рождения, – сказала Саша и потянулась, чтобы обнять меня.

Я была удивлена ее порыву, но вежливо приняла объятия.

Остальные друзья Марика и мои подруги пришли почти одновременно. Он представил меня своим гостям.

Заочно я была со всеми знакома, Марик рассказывал мне о них, но лично познакомилась только сегодня. Я видела ребят на матчах команды, куда ходила поддержать Марика. Брат часто звал меня с собой на встречи с друзьями, но у меня всегда были какие-то более важные дела. То мы проводили вечер с Ваней, то я помогала маме в ее кофейне.

Когда доставили пиццу, мы расселись по всей комнате. Я, скрестив ноги, уселась на пушистый ковер на полу. Оля и Лена сели рядом со мной. Двое парней, кажется, Артур и Шлепа, расположились на большом диване. Саша сидела рядом с нами на полу, а ее парень, Андрей, сидел позади нее. Он обнимал ее за талию, а она кормила его пиццей. Они выглядели очень милыми и влюбленными.

– Ты с кем-то встречаешься? – спросила меня Саша.

– Нет, – ответила я, смущенная ее вопросом. – А почему ты решила спросить?

– Ты просто на нас так смотрела...

Я покраснела.

– Извини, – поспешно выпалила я. – Просто вы выглядите такими счастливыми и влюбленными. Это притягивает внимание.

Саша широко улыбнулась.

– Ты слышала, малышка, я притягиваю внимание Алисы, – ухмыляясь, сказал Андрей.

Саша закатила глаза, а я рассмеялась. Они были забавными.

– Так что, почему у такой милашки нет бойфренда? – спросила меня девушка.

– Да они с Ванькой полгода назад расстались, – жуя пиццу, вместо меня сообщила Оля. –

С тех пор наша лисичка закрылась в своей избушке и никого не выпускает.

Мы не были с девочками лучшими подругами, однако вместе учились много лет и были довольно близки, но в душу друг другу старались не лезть.

Саша сжала мою руку и тепло улыбнулась, явно выказывая мне сочувствие:

– У тебя еще столько парней будет, собьешься со счета. Ты – красавица и, судя по тому, что мы знаем о тебе от Марика, самый замечательный человек на Земле.

Я улыбнулась, ни на секунду не сомневаясь в том, что брат именно такой меня и считает. Потому что для меня он тоже – самый лучший.

– Спасибо.

– Мы ей то же самое говорим, – добавила Ленка. – Первая любовь – дело такое, нужно время, чтобы пережить.

– Или крепкое мужское плечо, чтобы забыть, – добавил Шлепа и расхохотался. – Могу предложить свое.

– Не забывай, что это моя сестра, – вставил свои пять копеек братец, восседавший в кресле как король этого мира.

Мне захотелось отвесить ему легкий подзатыльник за то, что он сейчас пытался включить защитника, когда очевидно, что это совсем не к месту.

– Спасибо за предложение, но мне нравятся плечи покрепче. – Я усмехнулась и послала Марку предостерегающий взгляд: меня не нужно защищать.

– Как скажешь, но если что – спросишь мой номер у своего брата.

В комнате послышались смешки. Этот парень определенно был из той категории людей, которые любят поболтать и быть центром внимания. Его русые волосами, собранные в короткий хвост, острые скулы, широкие брови и волевой подбородок с заметным шрамом вкуче с его харизмой и обаянием никого не оставляли равнодушным. Мы еще немного поговорили, Шлепа зачитал какой-то смешной стишок-поздравление, и мы подняли стаканы с соком за нас с Мариком. Потом кто-то из парней вспомнил, что сегодня суперважный хоккейный матч, и они включили телевизор. Я любила хоккей и ничего не имела против, Саша тоже с энтузиазмом восприняла эту идею, а вот мои одноклассницы откровенно заскучали.

Спустя час или больше, когда по телевизору шел третий период матча, а большая часть пиццы была съедена, по квартире разнеслась трель дверного звонка, и Марик, вскочив с кресла, буркнул:

– Наконец-то, – и помчался открывать дверь.

Все, и я в том числе, уставились на дверь: в квартиру вошел не кто иной, как Алексей.

Марк похлопал друга по спине, приглашая в гостиную. Алексей вошел под гул парней. Меня не удивило, что он пришел, ведь они с Марком лучшие друзья.

– Лис, чертила, мы тебя тысячу лет не видели! Куда пропал? – спросил самый громкий из друзей моего брата, Шлепа.

Алексей со всеми поздоровался, и только когда он протянул Андрею руку для рукопожатия, его глаза встретились с моими. Он вскинул брови, словно удивился, увидев меня, но быстро взял себя в руки и перевел взгляд в сторону:

– Саша, ты, как всегда, прекрасно выглядишь.

Проигнорировав комплемент, девушка быстро встала на ноги и крепко обняла его.

– Где обитал? – спросила она и потащила его за собой на пол.

– То тут, то там, – туманно ответил Лисовский и поудобнее разместился между мной и Сашей. – Как сама?

– То так, то сяк, – передразнила его девушка, а я сделала глоток сока, пытаюсь спрятать улыбку.

– Андрюх, как она еще не съела тебе мозг? – спросил Алексей.

Капитан лишь пожал плечами. За весь вечер он произнес лишь пару ругательств за просмотром матча.

– Лис, с тебя как с опоздавшего тост, – крикнул кто-то из парней и протянул ему стакан с соком.

Алексей продолжил сидеть на месте и, кажется, прежде чем сказать, задумался.

– Пусть хоккеем всегда будет место в твоей жизни. – В этот момент его лицо на мгновение погрузнело, но он улыбнулся и добавил: – И за твой новый жизненный этап!

Парни одобрительно загудели, затем мы все чокнулись стаканами. Меня не слишком задело, что в поздравлении не было ни слова обо мне. Алексей с Марком с детства были неразлей вода, в то время как мы с ним постоянно цапались или игнорировали друг друга. Мы были чужими людьми, хотя и знали друг друга десять лет. Наши жизни тесно переплетены, но мы друг для друга оставались незнакомцами.

– Давайте поиграем в настолки? – предложил Артур.

Мы поддержали эту идею, и Марик принес из своей комнаты «Имаджинариум». Это была одна из самых простых и любимых мною игр, и она идеально подходила для большой компании.

– И как в нее играть? – подперев щеку рукой, спросил Шлепа.

– Нужно шевелить мозгами, – съязвила Саша. – Тем, чего у тебя нет.

– Злая ты, Кириллова, – заступился за друга Артур. – Кэп, вернетесь домой, дай ей порцию успокоительного, – а затем, немного подумав, добавил: – Или лучше две. Пока она не начала на людей бросаться.

Я ожидала, что Андрей осадит своего друга за такую неприличную шутку в адрес своей девушки, но он лишь отмахнулся от его слов. Зато Саша бездействовать не стала. Недолго думая, она стянула со своей ноги домашнюю тапочку и, замахнувшись, бросила в Артура. Тот с широкой улыбкой повернулся, но не предусмотрел, что Саша вслед за первой запустила и вторую, которая угодила ему в грудь.

– Повзрослей уже, Шумилин, – сказала она. – Твои пубертатные шуточки были актуальны в восьмом классе. Половое созревание закончилось, так что приди в себя и научись шутить смешно, а не тупо.

Саша не выглядела обиженной его словами, скорее просто раздраженной.

– Так кто-нибудь объяснит правила? – спросила Оля.

Марик потряс коробкой, привлекая к себе внимание:

– Каждый выбирает себе слона определенного цвета. – Брат присел и выложил на пол содержимое коробки. – Нас много, поэтому будем играть без карточек, оставим себе лишь слонов, которых нужно класть под карту ведущего. Разбирайте.

Я взяла себе синего слона.

– Сейчас я раздам по шесть карт, а остальная стопка будет лежать вот здесь, рубашкой вверх. – Марк сопровождал слова действиями. – Далее каждый ход один из нас, по очереди, становится ведущим. Ведущий загадывает ассоциацию на одну из своих карточек, произносит ее вслух и кладет рубашкой вверх. Остальные игроки должны найти среди своих карточек один рисунок, который, по их мнению, наилучшим образом подходит к загаданной ассоциации, и кладут ее также рубашкой вверх. Понятно?

Хотя я и знала правила, все равно кивнула вместе с остальными.

– Ведущий перемешивает, затем раскрывает карты и раскладывает их в линию. Задача игроков – угадать, какую карту загадал ведущий. Сменять ведущего мы будем по часовой стрелке. Ясно?

– Да ясно-ясно, – закатила глаза Саша. – Сейчас те, кто не догнал правила, – она окинула Шлепу многозначительным взглядом, на что тот раздраженно цокнул, – поймут их по ходу игры. Начнем с меня. Моя ассоциация на слово «любовь».

Парни скривили носы, отпустили пару шуточек о нашей, девчачьей, ванильности и положили по карте. Я посмотрела на Сашу и задумалась, какая из всех карт – ее. Она казалась веселой, компанейской девушкой, любящей обниматься, болтать и ставить людей на место. Это все, что я узнала о ней за несколько часов, поэтому положила своего синего слона, как мне казалось, под нужной картой, но я ошиблась.

– Эта моя. – Она указала на карту с изображением кита, парящего в небе, на носу которого стоял горшок с прелестным маленьким цветочком.

Как ни странно, больше половины угадали, но не я. Кто-то, по большей части девочки, относились к игре серьезно и старались загадывать интересные ассоциации. Парни же загадывали разный бред, типа «огрызок», «обои», «хет-трик», и, конечно же, звезда вечера Шлепа загадал ассоциацию «барабанная дробь». Я не шучу, именно так и было. Определенно, этого парня можно было назвать заводилой. Он весь вечер не затыкался, создавая легкую, веселую атмосферу с кучей идиотских шуточек. Иногда они с Артуром работали клоунами в дуэте, смешивая нас своими шуточными переругиваниями.

Даже Оля сдалась и в какой-то момент начала подхватывать их шутки и строить глазки то ли Артуру, то ли Шлепе. От этого зрелища у нас с Марком глаза чуть не вылезли из орбит. Обычно она с парнями так себя не вела. Но это даже здорово, никому не повредит немного расслабиться.

Игра продолжалась, и с каждым раундом я все больше и больше чувствовала себя здесь лишней. Расслабиться полностью у меня не получалось, поэтому во время игры я ощущала легкое напряжение. Сидящий рядом Алексей лишь усиливал это чувство.

– Лисси, твоя очередь загадывать, – сказал мне Марик.

Я не хотела в очередной раз что-то загадывать, потому что знала, что, скорее всего, мало кто отгадает мою карту, и это наводило на меня тоску. Ребята знали друг друга полжизни, отгадывали карточки друг друга, делились забавными историями, мои одноклассницы без проблем влились в их компанию, а я не могла избавиться от ощущения, что я здесь лишняя. Я не хотела портить брату праздник, поэтому, вздохнув, посмотрела на свои карты и положила одну из них рубашкой вверх:

– Одиночество.

– Могу его скрасить, – поиграл бровями Артур. – Только попроси.

– Шум, завали... – пригрозил ему Марк.

Я покачала головой. Интересно, как быстро человек привыкает к чему-то. Всего каких-то несколько часов – и полуподкаты Артура воспринимаются мной как что-то привычное.

Парни начали, как обычно, кричать, что у них есть такая суперподходящая карта, и заверили, что мою точно никто не угадает. Когда все отдали по карте, я перевернула их картинкой вверх. Были те, которые можно было отнести к моей ассоциации, но были и картинки, которые совсем не подходили.

– Это моя. – Я указала рукой на картинку с человеком, одиноко сидящим на огромном стакане. Сквозь стакан пробивались ветки деревьев, на которых удобно расположилось птичье гнездо как символ того, что однажды птица прилетит и человек уже не будет одинок. А значит, однажды и я перестану чувствовать себя одинокой.

Мою картинку угадала только Саша. Даже Марик ошибся. Он решил, что на моей карте нарисована девочка с разбитым сердцем в руках. Я понимала, почему именно она. Я чувствовала себя так же много месяцев, и, возможно, будь у меня эта карта, именно ее я бы и положила. Она идеально подходила.

– Лис, ты следующий.

До сегодняшнего дня я не слышала, чтобы кто-то называл Алексея Лисом. Хотя это было логично, ведь его фамилия Лисовский, а парни часто давали друг другу прозвища по фамилии. Но для меня это было странно, словно я впервые сегодня увидела этого человека. Тетя Лена звала его Алексеем и никак иначе, Ваня и мелкие – Алексом. Моя мама иногда называла его Лешенькой. Марик – Лехой, иногда Лешим.

– Покой, – сказал Алексей и положил карту рубашкой вниз.

– Ну ты и чудила, Лис, – захохотал Шлепа. – Покой нам только снится.

У меня не было подходящей карты для этой ассоциации, поэтому я хотела положить первую попавшуюся, а потом увидела карту с розовым облачком на ночном небе, оно напомнило мне мою комнату, и я положила ее. В детстве комната была моим убежищем, в ней я пряталась от целого мира.

Когда Алексей перевернул карты рисунком вверх, сделать выбор оказалось сложно. Для каждого покой ощущался по-разному. Мое внимание привлекла карта с карикатурным изображением рыжей собачки, и я положила своего слона под нее. В детстве мы с Марком хотели собаку, но родители были против, и нам так и не удалось их уговорить. А сейчас мне мешала это сделать моя нерешительность.

Я угадала карту Алексея. Точнее, я, Марк и Саша. Она вообще очень точно попадала в цель со многими, видимо, хорошо знала ребят или была проницательной.

– Чем дольше мы играем в эту игру, тем больше мне хочется вздернуться, – сказала Саша спустя некоторое время. – Скукота смертная. Давайте выберем игру повеселее.

– Например? – оживилась Оля.

– В бутылочку! – предложил Шлепа.

– Тебе что, пять лет?

Вокруг все засмеялись. Мне же стало любопытно, почему только Шлепе достается от Саши целая фура сарказма, тогда как с другими она общается совершенно нормально.

– Правда или действие? – предложила Лена.

– Фу, это клише, – сморщила носик Саша. – Как насчет в карты на раздевание?

– Ну, это, несомненно, верх оригинальности, – ухмыльнулся Алексей, за что тут же получил тычок локтем под ребро от Саши.

– Нас слишком много, – сказала Оля.

– Разобьёмся на пары, – пожал плечами Андрей. Казалось, его совсем не беспокоил тот факт, что Саша или он сам могут остаться голыми. Интересно, есть ли в мире хоть что-то, способное вывести его на эмоции.

Все одобрительно загудели и принялись делиться на пары. Мне совсем не хотелось играть в эту игру, да еще я очень устала. Сегодня был долгий, насыщенный эмоциями день. Мне нужна была передышка. Я встала со своего места:

– Спасибо всем за то, что пришли, и за ваши поздравления. – В этот момент я перевела взгляд на Алексея, на что он только еле заметно пожал плечами. – Я устала и пойду к себе.

– У-у-у, слабак, – показывая пальцем вниз, загудел Шлепа. – Тебе же восемнадцать исполнилось, а не восемьдесят!

Саша отвесила ему подзатыльник, а затем улыбнулась мне. Я послала ей ответную благодарную улыбку. Девушка поднялась и крепко меня обняла.

– Классная футболка, – сказала она мне на ухо. – Носи ее почаще.

Я улыбнулась, а затем отпустила ее и обняла Олю и Лену. Может, это и было странно – вот так уходить, но меня это не сильно беспокоило. Девочки отлично поладили с друзьями Марка и знали меня не первый год, поэтому не были удивлены тем, что я захотела уйти.

– Остайся, – попытался уговорить меня Артур.

– Я – пас, – натянуто улыбнулась я ему. – Продолжайте веселиться без меня.

– С чего вдруг ты дала заднюю? – ухмыльнулся он. – Уверен, под этой футболкой есть на что посмотреть.

– Будь уверен, что есть, – фыркнула я, надеясь, что это прозвучало не слишком грубо. – Но ты этого точно никогда не увидишь.

Я спокойно направилась в свою комнату, чувствуя, как мою спину прожигают взглядом.

– Она тебя сделала, – услышала я веселый голос Шлепы.

– Это звучит как вызов, малышка, – прокричал мне вслед Артур.

Я не стала ничего отвечать. Как только оказалась в своей комнате, прислонилась к стене и прикрыла глаза. Мне хотелось тишины и покоя. Слишком много для одного дня. Мне казалось, что в моем сердце плещется целый океан чувств. Одиночество, страх, тоска, тревога нависли надо мной душливой волной. Казалось, еще немного, и она захлестнет меня.

Спустя минуту в дверь постучали, а затем в комнату просунулся Марик.

– Устала? – спросил он.

Я кивнула. Отчасти так и было. Но большая часть правды состояла в том, что у меня сейчас был такой водоворот мыслей в голове, что их нужно было успокоить, а сделать я это могла только в одиночестве.

– Если хочешь, я отправлю их всех домой. – Марк обнял меня.

Я знала, что он так и сделал бы, попроси я об этом. Возможно, это было бы неправильно и некрасиво по отношению к его друзьям, но я всегда была у него на первом месте.

– Не нужно, они неплохие ребята. – Я уткнулась носом ему в грудь. – По большей части. Веселитесь, а я побуду здесь.

Марк тихонько рассмеялся и погладил меня по волосам. Волна нежности накатила на меня.

– Я буду по тебе скучать, – прошептала я. – Очень сильно.

Брат еще крепче обнял меня. Так мы простояли несколько минут молча. Не представляю, какой бы была моя жизнь, если бы в ней не было Марика. Мама с папой подарили мне самый драгоценный подарок, который только можно пожелать.

– Иди, тебя ждут друзья, – отстраняясь, сказала я. – Когда я уходила, Саша была настроена играть в карты на раздевание.

– Это на нее похоже, – ухмыльнулся брат. – С тобой точно все хорошо?

– Да. Иди и не волнуйся.

Марик наклонился, чмокнул меня в лоб и ушел к своим друзьям. Я легла на кровать и достала мобильный. Открыв мессенджер, написала маме, что все в порядке и квартира цела. Поблагодарила нескольких знакомых и родственников, которые поздравляли меня и Марка с

днем рождения. Глубоко в душе я надеялась увидеть сообщение и от Вани, но он ничего мне не написал. Зато его мама, тетя Лена, записала мне голосовое сообщение с поздравлением, на заднем фоне слышался голосок Маруси, которая тоже меня поздравляла. Я записала ей ответное голосовое с благодарностью. После расставания с Ваней я мало общалась с его семьей и очень по ним скучала.

Когда я всем ответила, положила телефон рядом с собой и достала из прикроватной тумбочки сборник стихов Эдуарда Асадова, который мне подарила мама. Она любила стихи и, когда мы были маленькими, перед сном вместо сказок читала нам Шекспира на английском языке, Пушкина и других поэтов. Мне нравилось, как плавно и нежно звучит английская речь из маминых уст. И я не понимала, зачем нам учить еще и русский язык, который давался мне куда труднее английского.

Из гостиной доносился задорный смех и разговоры. Похоже, ребятам было весело. Я никогда не была любительницей шумных мест и мероприятий. От гула голосов быстро уставала, и мне хотелось побыстрее оказаться дома. В детстве мама даже переживала из-за этого и отвела меня на прием к детскому психотерапевту. Помню, как милая женщина задавала мне много самых разных вопросов, пока я играла с куклами, а я на них отвечала. Я никогда сама не проявляла инициативу, не пыталась завязать беседу или подружиться с кем-то, но всегда любила разговаривать с людьми, если человек проявлял ко мне интерес. Поэтому доктор заверила маму, что со мной все в порядке, просто мне нравится проводить время с собой, заниматься своими делами, и это совершенно точно не является никаким психическим отклонением.

За восемнадцать лет я не обросла друзьями и знакомыми, как брат. Мой круг самых близких людей ограничивался моей семьей и семьей Лисовских. Я общалась с одноклассниками, но никто из них так и не стал мне по-настоящему близок. В прошлом, если я не проводила свое свободное время дома у Лисовских, то пропадала дома за переводом какого-нибудь стихотворения на английский. Не знаю, можно ли было это назвать моим хобби, но процесс меня увлекал, и я даже раздумывала попробовать себя в любительском переводе зарубежных книг. Но не решалась, потому что это, на мой взгляд, гораздо более объемная работа, чем перевод стихотворений. Но, когда мы начали встречаться с Ваней, я забросила свое увлечение.

Вспоминать Ваню все еще было больно. Не желая думать о нем хотя бы в свой день рождения, я сосредоточилась на маленькой книжке у меня в руках. И видимо, мне удалось погрузиться в чтение настолько глубоко, что уснула.

Проснувшись я от громкого хлопка входной двери и испуганно подскочила на кровати. Не услышав за стеной никаких звуков, я встала и пошла проверить, что происходит. В прихожей, как и во всей квартире, было тихо, видимо, друзья Марка ушли и случайно хлопнули дверью. Я заглянула в комнату Марика, но там было пусто, на кухне тоже никого. И только в гостиной я наткнулась на Алексея, который собирал в мусорный пакет пустые упаковки из-под чипсов и пиццы. Его лицо было хмурым. Проспорил, что ли?

– Я все еще сплю? – с издевкой в голосе произнесла я. – Или действительно Алексей Лисовский сейчас убирает мусор в моей квартире?

Алексей поднял голову, и его голубые глаза встретились с моими.

– Это сон. Разве может быть такое, что ты не спишь в... ммм... – он посмотрел на часы, – в четыре часа? Это что-то на грани фантастики.

Я отмахнулась от его слов и, подойдя к журнальному столику, взяла еще один мусорный пакет, чтобы помочь Алексею.

– Ну даже если и так, то бодрствующая в четыре утра я – не такое приятное зрелище, как ты с мусорным мешком.

В мешок я закидывала пластик: бутылки от напитков, стаканчики и крышки. И в этот момент я думала: как хорошо, что мы с Марком решили просто заказать пиццу. Собрать пласт-

массовые тарелки и коробки из-под пиццы было гораздо быстрее и проще, чем мыть за гостями посуду. Завтра останется только пропылесосить, чтобы не было крошек от чипсов.

– Я польщен, что тебе нравится на меня смотреть, – ухмыльнулся Лисовский.

– Ты просто мастер переворачивать слова так, как тебе хочется!

– Спасибо.

– Это был не комплимент! – Я недовольно покачала головой, на что Лисовский рассмеялся.

И я растерялась. Отчасти потому, что хриплый звук его смеха заставил мое сердце сделать тревожный кульбит, а отчасти потому, что видеть его сейчас таким беззаботно смеющимся было странно, поэтому я сменила тему разговора:

– А где Марик?

– Пошел провожать гостей, – ответил Алексей и посмотрел на меня: – Серьезно, почему ты не спишь?

Я закинула в пакет последнюю бутылку и села на диван:

– Проснулась от хлопка входной двери. А зачем ты убираешься?

– Нет ничего сложного в том, чтобы закинуть в мусорный мешок пару коробок, – ответил Алексей и в подтверждение своих слов сложил коробку из-под пиццы несколько раз и бросил в мешок. – К тому же нужно было как-то скоротать время.

– Ты бы мог пойти с моим братом, – сказала я, потому что все еще не могла поверить в то, что вижу. – Они и твои друзья тоже.

– Были когда-то.

Я поняла, что он имел в виду. Марик и Алексей когда-то вместе ходили в хоккейную секцию. Алексею исполнилось шестнадцать, он тогда должен был играть в одной из команд молодежной лиги, но ушел из хоккея, никому ничего не объяснив. Я помню, как зол был тогда мой брат, как он вернулся домой с тренировки и по-всякому обзывал Алексея. Кажется, у них в тот день была важная игра, а Лисовский не пришел на нее и этим подвел команду. Марик с Алексеем тогда очень сильно поругались и даже перестали общаться на какое-то время – брат считал его предателем. Я так и не смогла добиться от брата, почему Алексей ушел из хоккея, поэтому решила попытать удачу и спросить у Вани, на что тот ответил: «Это же Алекс, он делает что хочет и плюет на других людей». Я подумала, что это чертовски безответственно с его стороны, и тоже на него разозлилась.

Сейчас мне захотелось спросить самого Алексея, почему он так поступил, но не решилась. Эта тема казалась личной, а мы с ним друг другу никто. Вместо этого я смотрела, как он молча складывал коробки. Руки у него были красивые, с длинными пальцами. Мой взгляд скользнул от его кисти вверх, по широким плечам и мускулистым бицепсам, рельефно выделявшимся под черной футболкой. Алексей был хорош собой: подтянутая фигура, стильная стрижка, подчеркивающая четкие линии скул. Я никогда не разглядывала его так, как сейчас. Не замечала, что у него на носу веснушки, а на щеках появляются ямочки, когда он смеется. А смеется он нечасто. Я думала, что они с Ваней очень похожи, но все их сходство заключалось в том, что они оба – шатены, как их мама. Ваня – невысокий и худощавый, с карими глазами и тонкими пальцами. Поэтому тетя Лена и отдала его в музыкальную школу. Она говорила, что у него пальцы пианиста, и оказалась права: Ваня виртуозно играл на инструменте.

– Эй, Плакса, отдай мне свой пакет, пойду выброшу мусор, – попросил Алексей.

– А?

– Бэ, – подул он мне в лицо и потянулся за мешком.

– Ты офигел? – Я вскочила с дивана и сердито уставилась на него. – Ты бы еще меня поцеловал. Закатай губу.

– Именно это я и стараюсь делать, – вконец развеселился Лисовский. – Отдай мне мусор – и я и мои губы удалимся из квартиры.

– Ну уж нет. – Я встала и, пытаюсь скрыть смущение, которое вызвали его слова, крепче сжала в руке пакет. – Вместе пойдем. Проконтролирую процесс сортировки.

Алексей покачал головой, а затем подошел и забрал у меня мешок с мусором.

– Эй! – возмутилась я. – Я же сказала, что пойду с тобой!

Он уставился на меня как на дуру:

– Накинь на себя что-нибудь, иначе замерзнешь. – И, подумав, добавил: – Контролерша.

Я показала ему язык и побежала в свою комнату. Быстро натянув на себя спортивные штаны с толстовкой, вернулась в прихожую. Увидев меня, Алексей ухмыльнулся:

– Ты похожа на свинку Пеппу.

На мне был обычный спортивный костюм оверсайз любимого розового цвета. Так что действительно я выглядела как огромное розовое нечто, но мне это нравилось.

– А ты на дурака, – сказала я и вытолкала его из квартиры. Пока я закрывала дверь, Алексей вызвал лифт.

– А как выглядят дураки? – развеселился Алексей.

– В зеркало посмотри и увидишь, – пробурчала я.

– Я там вижу и тебя тоже. – Он смотрел мне за спину и улыбался так, словно выиграл миллион.

Я уже догадалась, что он имеет в виду. Я стояла спиной к зеркалу, про которое благополучно забыла. Что это, если не тупизм последней стадии.

Как только мы вышли из подъезда, осенний, почти зимний мороз побежал по моей коже. Мы с Мариком родились двадцать шестого ноября, и обычно в это время года только-только начинались первые легкие заморозки, но в четыре часа утра было очень холодно, а я вышла на улицу только в спортивном костюме.

– Какой же холод, – стуча зубами, произнесла я. – Побежали скорее.

Я рванула в ту сторону, где под навесом были расположены мусорные баки. Каждая секунда, проведенная на улице, грозила обморожением. Как только мы добежали до контейнеров, я сразу подняла крышку бака для картона, Алексей тут же выбросил в нее коробки из-под пиццы, затем мы быстренько расправились с пластиком.

– Дай пять, напарник! – я вытянула руку вверх.

Алексей возвел глаза к небу, давая понять, что об этом думает, но все же выполнил мою просьбу. Когда вошли в квартиру, встретились лицом к лицу с Марком.

– Где вас носило? – спросил он.

– Мы выбрасывали мусор.

– Ты в таком виде на улицу выходила? – Марк уставился на меня своими голубыми глазами. – Не могла куртку надеть?

– Успокойся, мамочка, мы только выбросили мусор и сразу вернулись домой.

Я прошла на кухню, чтобы приготовить нам чай. Все же болеть не хотелось. В холодильнике стоял праздничный торт, заказанный мамой, но благополучно нами забытый.

– Планируешь задуть свечи и загадать желание? – За моей спиной раздался голос Алексея.

– Да, загадаю больше никогда тебя не видеть.

– Желания нельзя произносить вслух, – сказал Марик. – А то не сбудутся.

– А может, объект загаданного желания услышит и исполнит его?

Марик достал кружки и бросил в них чайные пакетики.

– Я не верю в чудеса, – сказал он.

Парни рассмеялись и дали друг другу пять.

Желание загадывать я не стала. Разрезала торт и разложила по тарелкам. Марик включил в гостиной телевизор, и мы втроем устроились на диване. Решили смотреть «Теорию большого взрыва».

И пусть день рождения прошел, это было самое чудесное завершение бесконечно длинного дня. На экране любимый сериал, гостиная, полная смеха, а за окном – рассвет. И каким бы странным все ни казалось, ощущение, что именно этот момент – один из лучших в моей жизни, свернулось теплым клубочком в дальнем уголке моего сердца.

Алисе 20 лет

Сегодня в маминей кофейне был настоящий ажиотаж. По выходным здесь всегда много народу, а сегодня еще и День города. Летняя терраса была забита полностью, и внутри оставалось совсем немного свободных, заранее зарезервированных столиков. Кто-то пришел парами, кто-то с компанией друзей, а кто-то всей семьей. Большая часть жителей собралась в центре города, где были все развлечения, но у нас все равно не было отбоя от клиентов. Мамина кофейня «Утопия» находилась рядом с жилым комплексом, построенным на окраине города, недалеко от большой смотровой площадки, где собираются жители, чтобы посмотреть на праздничный салют.

– Мы не справимся с таким количеством людей. – В мамином голосе слышалась едва уловимая паника. – Будет много гневных отзывов, и наш рейтинг упадет.

– Алевтина Николаевна, не переживайте вы так, недовольные клиенты были и будут всегда, – попыталась ее успокоить бариста Галя. – Обслуживание у нас на высшем уровне, все десерты и напитки качественные и вкусные.

Я улыбнулась девушке, благодаря за поддержку.

– Все будет хорошо. – Я сжала мамину руку. – Ты встанешь вместо меня за кассу, а я буду помогать ребятам в зале.

– Это большая нагрузка, – боковым зрением я увидела, как Галя слегка поморщилась маминой заботе. – У тебя скоро учеба начинается, а ты все лето помогала нам здесь и совсем не отдохнула.

С тех пор как Марик переехал в Москву, мама стала опекать меня гораздо больше. Она не признавалась, но я знала: это потому, что она беспокоится о том, что я могу уехать в Москву, куда меня все настойчивее зазывают папа с Мариком.

– Ну, во-первых, я не помогала, а работала, и ты мне за это платила зарплату. – Я заглянула маме в глаза и улыбнулась. – А во-вторых, нам пора вернуться в зал.

– Отличная идея. – Галя хлопнула в ладоши и первая направилась к выходу из подсобки.

– Спасибо, девочки, без вас я бы не справилась.

Галя кивнула, а я обняла маму. Этого было достаточно, чтобы перевести дыхание и снова вернуться на поле боя, а именно в зал к клиентам.

Галя отправилась на свое рабочее место, а я, окинув зал, увидела на террасе мужчину, который раздраженно бросил на стол наше небольшое меню и оглядывался в поисках официанта. Сделав глубокий вдох, я направилась прямо к нему, мысленно готовясь к предстоящему диалогу.

– Здравствуйте, прошу прощения за ожидание, у нас сегодня большой наплыв гостей. – На моем лице появилась фирменная улыбка. – Выбрали что-нибудь?

Мужчине на вид было лет пятьдесят, и, кажется, моя приветливая улыбка на него совсем не подействовала. Что ж, это было ожидаемо.

– Я долго ждал официанта, – недовольно пробурчал он и зачем-то поднес свой телефон к моему лицу. – Мне советовали вашу кофейню как одно из лучших мест в городе. Ваш рейтинг 4,9, а отношение к клиентам такое неуважительное.

– Я извинилась за ожидание. – Я старалась, чтобы мой голос звучал как можно более дружелюбно.

– Извинения на хлеб не намажешь.

Алиса, держи себя в руках.

– Приношу вам свои искренние извинения.

Мужчина явно намекал на скидку или какое-либо поощрение за ожидание. И наверняка мама с радостью бы ее предоставила, будь она на моем месте. Еще пару лет назад я бы и сама так сделала, но работа с людьми не только повысила мои коммуникативные навыки, но и научила не идти на поводу у хамов.

– Вы определились с заказом или мне подойти чуть позже?

– Если вы сейчас уйдете, мне снова придется вас ждать, – пробурчал он, прожигая меня недовольным взглядом. – Мне чизкейк «Нью-Йорк», лимонный тарт и клубничный лимонад. И как можно быстрее, если вы знаете значение этого слова.

Я молча записала заказ в блокнот, стараясь, чтобы на лице не отразилось то, что я думаю об этом человеке.

– Ваш заказ будет готов в течение пятнадцати минут.

Я передала заказ маме. Пока я готовила лимонад, мама поставила на поднос оставшую часть заказа. В такие дни, как сегодняшний, я радовалась, что у нас всего лишь небольшая кофейня, а не полноценное кафе. Внутри стояло шесть столиков, и подавали мы только напитки и десерты, однако мама на лето взяла в аренду землю рядом с кофейней, и мы построили летнюю террасу на десять столиков. Это увеличило приток гостей и прибыль, и мы все лето крутились как белки в колесе. Галя говорила, что любая усталость перекрывается неплохими чаевыми и премией размером с зарплату. Для меня деньги не были главной мотивацией. Мне нравилось, что в этом безумном графике не было времени подумать о том, чего я на самом деле хочу от жизни.

Лимонад был готов, я поставила его на поднос к десертам и отнесла клиенту.

– Приятного аппетита, – все с такой же искусственной улыбкой на лице дежурно пожелала я и направилась к другому столику.

У входа в кофейню заметила небольшую компанию, которая пыталась найти свободный столик. Я поспешила к ним:

– Добрый день, меня зовут Алиса, могу я вам чем-то помочь?

Один из парней приветливо улыбнулся мне:

– Мы бронировали столик на террасе на четверых на 18:00.

Я кивнула и пригласила следовать за мной. Их лица показались мне смутно знакомыми, но я не предала этому значения. Город у нас небольшой, могли где-то пересекаться. Лавируя между столиками, я провела ребят до места. К моему разочарованию, они оказались соседями недовольного посетителя, которого я обслуживала пару минут назад.

– Ваш столик, – забирая табличку «Зарезервировано», сказала я. – Меню можно посмотреть по кьюар-коду, но если для вас это неудобный вариант, могу принести бумажное.

– Спасибо, – поблагодарила меня блондинка, слегка нахмурившись. – Нам по кьюар-коду будет удобнее.

– Хорошо. – Я улыбнулась. – Подойду к вам через пять минут за заказом.

Ребята поблагодарили и достали свои телефоны, а я поспешила внутрь кофейни, чтобы проверить, не требуется ли что-то гостям. Проходя мимо столика с недовольным посетителем, я услышала, как он сказал ребятам:

– Для них пять минут, как для нас пятьдесят, так что я бы особо не надеялся.

Я жала зубы, чтобы не вспылить и не сказать лишнего.

– Как-нибудь сами разберемся, – ответил ему один из парней, и его голос показался мне тоже смутно знакомым. – Не стоит о нас беспокоиться.

Я уже не слышала, ответил ли ему мужчина, но позлорадствовала, что парень его осадил.

Спустя полчаса я настолько погрузилась в рабочий темп, что все мысли из головы исчезли. К вечеру у нас совсем не осталось свободных столиков, и приходилось многим отказывать в обслуживании. Кто-то расстраивался, кто-то заказывал напиток навынос и уходил. Весь удар приняли на себя наши бариста. Я помогала с задачами, в решении которых не требовались особые навыки – готовить лимонад или молочный коктейль я умела. Несмотря на конец августа, погода была по-июльски жаркой и солнечной, поэтому люди заходили в большей степени за холодными напитками: глянсе и бамблом.

Когда стало спокойнее, Галя убежала на обед, а я вернулась на террасу.

– Счет, пожалуйста, – сказал парень из компании, которая резервировала столик. – Мы с вами нигде раньше не встречались?

– Может быть. – Я пожала плечами и улыбнулась. – Город у нас не такой уж и большой. Сейчас принесу ваш счет.

Когда я вернулась, блондин задумчиво стучал пальцами по губам:

– Простите, а как ваша фамилия?

– Извините, но это не ваше дело, – вежливо отозвалась я.

– Знаю, это странно, но я не могу отделаться от мысли, что мы знакомы.

Я с сомнением покосилась на парня.

– Он не подкатывает, если вы об этом беспокоитесь, – сказала единственная девушка в их компании. – Просто очень любопытный.

В конце концов, я же ничего не теряю, подумала я.

– Моя фамилия Светлова.

– Точно! – Парень щелкнул пальцами, словно он сам вспомнил мою фамилию, а не я ему сказала. – Ты сестра Марка Светлова?

Я кивнула. Марка много кто знал.

– Мы познакомились на вашем дне рождения пару лет назад, – сказал парень, широко улыбаясь. – Ты нас не помнишь?

Я покачала головой.

– Ты еще рано ушла. И красиво меня отбрила. Я тебя поэтому и запомнил.

Он широко улыбнулся и подмигнул мне.

– Как там Марк? – спросил другой, русоволосый парень. – Давно его не видели.

Я тоже. С тех пор как Марик переехал в Москву и профессионально занялся хоккейной карьерой, мы виделись редко. Сначала каждый день созванивались по видеосвязи, но затем каждый день превратился в один раз в неделю, а сейчас и того реже. Мне его по-прежнему не хватало, но я уже лучше справлялась с разлукой, чем в начале.

– Его жизнь теперь состоит только из хоккея, – ответила я. – У него все хорошо. Вы разве не общаетесь?

– Редко. Он теперь звезда.

В его голосе не было зависти или упрека, это было сказано с гордостью, и меня это порадовало. Приятно знать, что у Марика такие хорошие друзья.

– Я видела его последний раз три месяца назад, – сказала я. – Так что понимаю вас, ребята.

– Мы, конечно, можем переписываться, но, когда он будет дома, шепни ему на ушко, чтобы залетел к нам, – сказал блондин. – Давно его не видели.

– Обязательно, – пообещала я. – Мне нужно возвращаться к работе, вот ваш чек. Оплата картой или наличными?

Парень протянул карту и приложил к терминалу. Я улыбнулась ребятам:

– Была рада встретить друзей Марка.

– Мы тоже были рады увидеться с тобой, – сказал парень, и остальные согласно кивнули.

Посетителей становилось меньше, все начали потихоньку выдвигаться в сторону смотровой площадки. Салют должен был начаться в одиннадцать.

– Ты не идешь посмотреть салют? – услышала я знакомый голос.

Я оторвала взгляд от кофемашины и увидела одного из друзей Марика. Он стоял напротив меня и улыбался.

– Нет.

Он провел рукой по коротким светлым волосам, как будто ему было неловко. Я перевела взгляд на входную дверь и увидела, что его друзья стоят на крылечке, видимо, ждут его.

– Почему? – не унимался с вопросами незнакомец.

– Я не люблю салют, – призналась я. – И к тому же нужно помочь маме с закрытием.

– Так это ваша кофейня?

– Мамина, а я работаю здесь официанткой. – Я провела рукой по фартуку и указательным пальцем постучала по бейджу.

– Круто, – сказал парень. – То, что ты не любишь салют, немного усложняет дело.

– Не совсем тебя понимаю.

Он ухмыльнулся, а затем облокотился на барную стойку, внимательно меня разглядывая:

– Хочу узнать тебя получше, а девочкам вроде как нравится смотреть на салют, идеальнее предлога и не придумаешь.

Я улыбнулась. Кажется, теперь я начала вспоминать этого парня.

– Тогда для начала тебе как минимум нужно мне представиться.

Он посмотрел на меня так, словно впервые увидел:

– Красавица, только не говори, что ты забыла мое имя.

Я пожала плечами. Увы и ах, я мало кого запомнила с того вечера. Только Сашу и ее молодого человека. И то только потому, что мы с ней пересекались на хоккейных матчах, куда я ходила с Мариком, когда он приезжал домой.

– Это разбило мое сердце. – Он театрально схватился за грудь. – Что же, тогда начнем все сначала. Меня зовут Артур, а тебя?

Он протянул мне руку, и я, улыбнувшись, ее пожала:

– Алиса.

– Очень приятно познакомиться, Алиса, – сказал он. – Могу ли я пригласить тебя на свидание в любой день, раз уж сегодня нам не удастся посмотреть салют вместе?

Артур казался мне приятным парнем. И, чего лукавить, вполне симпатичным: высокий, спортивно сложенный, как, впрочем, и все хоккеисты, блондин с волевым подбородком и правильными чертами лица. Но в мои планы не входило идти на свидание с ним или с кем-либо другим.

– Извини, но...

– Красавица, только не разбивай мне сердце, не говори, что у тебя кто-то есть, – перебил меня Артур.

Я улыбнулась:

– Нет, дело не в этом. Просто сейчас я не хочу отношений.

– Я не замуж тебя зову, Алиса, – улыбнулся Артур. – И с чего ты решила, что мне нужны отношения?

Я почувствовала, как по моим щекам разливается жар.

– О... – Я растерялась.

– Черт, красавица, ты неправильно меня поняла, – проведя рукой по светлым волосам, сказал Артур. – Свидание – это не обязательно отношения. Мы займемся чем-нибудь интересным, узнаем друг друга, отлично проведем время. Ни тебя, ни меня это ни к чему не обязывает.

Я почувствовала себя такой глупой. Конечно, он не имел в виду отношения. Но я, как наивная дуручка, решила, что именно это он и предлагает. После расставания с Ваней я ни с кем не встречалась, и никто из парней не проявлял ко мне романтического интереса. Или я этого не замечала. Впрочем, неважно. Почему-то мой мозг решил, что свидание равно отношениям. Хотя, очевидно, это не так. Как же неловко. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Я не собираюсь делать тебе предложение руки и сердца, – весело продолжал Артур. – Ну, не сегодня точно.

Он был забавным и определенно умел сглаживать неловкие моменты. Меня не интересовали отношения, но, быть может, общение с парнем мне пошло бы на пользу.

– Хорошо, – согласилась я. – Будет свидание.

– Когда?

Я пожала плечами:

– Не знаю, на этой неделе точно не получится. Я занята.

– Тогда дай мне свой номер, спишемся и решим, когда случится этот знаменательный для нас день.

Я продиктовала Артуру свой номер.

– Мне пора, друзья заждались. – Он кивнул в сторону ребят, которые ждали его на улице. – Буду ждать встречи.

Прежде чем уйти, он подмигнул мне, и я не сдержала улыбку. Если я правильно помнила, то на нашем дне рождения он вел себя примерно так же.

Ближе к одиннадцати вечера все посетители разошлись, и мама закрыла кофейню. Мы обе были жутко вымотаны и поэтому еле плелись домой. Я шла, погружившись в свои мысли, разглядывала наш район, знакомый мне с детства. Здесь всегда было много зелени. Деревья и кусты были аккуратно подрезаны, а газон идеально подстрижен. Имелись места для выгула собак с поилками и мешочками для уборки за своими четвероногими друзьями.

В детстве у нас не было собаки, и я раздумывала над тем, чтобы завести ее сейчас, но, учась в университете, я не смогу уделять ей достаточно внимания. Собака – это ответственность, которую на себя пока я взять не могу. Но однажды обязательно исполню это желание.

Когда мы подходили к дому, то у подъезда увидели скорую помощь.

– Каждый раз при виде скорой у нашего подъезда пугаюсь, вдруг это к нам, – призналась я маме, когда мы входили в лифт.

– Да, но ты со мной, а я с тобой, значит, все в порядке, – сказала мама.

Это правда. Но все же я достала мобильный и написала Марику:

Эй, ты там жив?

Как ни странно, ответ пришел сразу:

5:0 в нашу пользу. Я скорее мертв, чем жив.

Поздравляю с победой.

Ответ от брата пришел, когда я чистила зубы и готовилась ко сну:

Скучаю, Лисси.

Я не видела его уже три месяца, и эта разлука меня убивала. Я не знаю, было ли это оттого, что мы близнецы и у нас, должно быть, особая связь, о которой некоторые твердят, или из-за того, что мы были двумя самыми близкими людьми на протяжении всей жизни.

Я больше. Очень жду, когда ты приедешь.

Скоро у Лиса день рождения, и у нас будет недельный отпуск, так что я надолго.

Скорее бы.

Брат в ответ прислал мне смайлик с сердечком. Конечно, я знала о дне рождения Алексея. Буду ли я его поздравлять? Ответ очевиден. Я не видела его с моего восемнадцатого дня рождения. Тогда я уснула за просмотром «Теории большого взрыва», а когда проснулась, его уже не было. Я была разочарована, что он ушел, не попрощавшись.

После расставания с Ваней я редко заходила к Лисовским. Пока Ваня учился в Москве, в свободное время я забегала к тете Лене и повидаться с мелкими. Она говорила, что, несмотря на то, что мы с Ваней так глупо расстались, она не стала любить меня меньше и всегда ждет в гости. С дядей Володи́ей мы почти не пересекались в силу его большой занятости, но он каждый раз тепло меня обнимал и называл Лисичкой. Когда я впервые пришла к ним в гости после расставания с Ваней, он меня отчитал за то, что я так долго не появлялась, и пробубнил, что, если бы его сын не был малолетним дураком, у него была бы вторая дочь. Он тогда еще пошутил и попросил меня подождать, пока подрастет Мишка.

– А что же, Алексея в расчет не берете? – совсем развеселилась я.

Дядя Володя вздохнул и взлохматил мои волосы:

– Ты, Лисичка, слишком хороша для этого оболтуса.

– Ну что же, тогда подожду Мишку.

И мы рассмеялись. Я была очень рада, что, несмотря на сложные отношения с Ваней, мне удалось сохранить теплые отношения с его семьей.

Алиса

Утро началось с того, что кто-то настойчиво истязал кнопку нашего дверного звонка и стучал кулаком в дверь. Я быстро вскочила с кровати и побежала открывать. Мельком взглянув в глазок, увидела там заплаканное лицо Мишки.

– Что случилось? – открывая дверь, спросила я.

– Пойдем скорее к нам. – Шмыгая носом, мальчик схватил меня за руку и потащил к выходу.

Я взяла мобильный телефон, ключ с полочки и закрыла дверь. Тревога заструилась по моим венам, заставляя кровь бежать быстрее, а сердце стучать набатом. Через секунду мы влетели в квартиру Лисовских.

В воздухе витал стойкий запах лекарств, а из гостиной доносились женские рыдания. Мишка прошептал:

– Иди, пожалуйста.

Сердце выпрыгивало из груди. Ему было почти четырнадцать, и он всегда казался мне уже взрослым парнем, но, глядя сейчас на его заплаканное лицо, я поняла, что он все еще ребенок, испуганный и беззащитный. Мне было страшно: я понимала, что случилось что-то плохое, и все же я прошла внутрь. Из нас двоих взрослой была я.

На диване, свернувшись калачиком, всхлипывала тетя Лена. На стеклянном журнальном столике были разбросаны какие-то баночки и блистеры с лекарствами, а на ковре – скомканные бумажные салфетки.

– Теть Лен, это Алиса. – Я присела у ее ног. – Что случилось?

Казалось, она меня не слышала и продолжала рыдать, глядя прямо перед собой. Я сходила за стаканом воды и присела на корточки рядом с ней.

– Теть Лен, пожалуйста, выпейте воды. – Дрожащими руками я поднесла стакан к ее губам и аккуратно наклонила его. Как только вода добралась до тети-Лениных губ, она с жадностью стала пить, а рыдания стали затихать. Я погладила ее по волосам, затем принесла еще воды. Рыдания превратились в рваные вдохи, но она все так же молчала.

С каждой секундой мне становилось все больше не по себе. Я никогда никого не видела в таком состоянии и не знала, как помочь. Но чувствовала, что случилось что-то ужасное.

– Может, позвонить маме? – тихо спросила я.

Тетя Лена отрицательно покачала головой и, поставив стакан на столик, опять легла. Ее стало трясти, и я взяла с кресла плед, чтобы укрыть ее. Я не знала, что еще можно сделать. Меня тоже начинало потряхивать от страха.

– Вчера Володе стало плохо, – слабым, охрипшим от долгих рыданий голосом сказала тетя Лена. – Пришел домой взвинченный, а потом вдруг схватился за сердце и упал.

Ее губы снова задрожали, и я протянула ей стакан с водой. Тетя Лена снова сделала пару глотков.

– Приехала скорая, его забрали в тяжелом состоянии. – Ее голос дрожал. – Врачи сказали, ишемический инсульт. Он... мой Володя...

Тетя Лена снова зарыдала, не сдерживаясь, в голос. Я присела на корточки рядом с ней и взяла за руку, слегка сжимая. Я пыталась успокоить тетю Лену, но меня сковывал страх, что дяди Володи больше нет, и я боялась услышать, что тетя Лена скажет дальше.

– Теть Лен, дядя Володя – он что, он...

– Нет! Нет-нет-нет! – с сумасшедшей скоростью затрясла головой женщина. Резинка соскользнула с ее густых каштановых волос, и они рассыпались по ее плечам. – Он жив!

Я почувствовала, как с моих плеч словно упала гора, и облегченный выдох сорвался с губ.

– Но он в коме, – всхлипнула тетя Лена. – Врачи сказали, что удалили тромб и операция прошла успешно, но так бывает... Сказали, что если через сорок восемь часов он не придет в себя, то шансы, что будет жить, значительно снизятся.

– Все будет хорошо, – сжимая руку тети Лены, сказала я. – Дядя Володя выкарабкается, он очень сильный.

Слезы струились по лицу женщины, она их вытирала ладонью. Ей было очень больно.

– Тетя Лена, – я продолжала гладить ее по руке, – с дядей Володи все будет хорошо, а вам нужно отдохнуть.

Я взяла со столика бутылочку с успокоительным, накапала в крышечку столько капель, сколько было написано в инструкции, и протянула ей:

– Выпейте, вам нужно успокоиться.

Тетя Лена отрицательно покачала головой.

– Пожалуйста, – с мольбой в голосе произнесла я.

Она запила капли глотком воды. Ее все еще трясло, и я плотнее укутала ее в плед.

– Через пару минут вам станет полегче, а потом постарайтесь уснуть. Я присмотрю за Мишей, не волнуйтесь. А где Маруся?

– У... у бабушки, – дрожа всем телом и стуча зубами, ответила тетя Лена.

– Они знают, что дядя Володя в больнице?

– Нет. Только ты.

Это неправильно. Тете Лене нужна поддержка семьи и близких, Алексей и Ваня уже взрослые и должны быть здесь, рядом с ней.

– Нужно сообщить Алексею и Ване...

– Нет, Ваня сорвется с учебы и тут же примчится, не хочу его дергать, – сжимая мою руку, сказала тетя Лена. – Пообещай, что не будешь ему звонить.

Я засомневалась, но кивнула. Про Алексея она ничего не сказала.

– Тогда я позвоню маме и расскажу ей все, – сказала я. – Вам нужен кто-то рядом. И это не обсуждается.

Тетя Лена слабо кивнула, соглашаясь:

– Спасибо, Алиса.

Я присидела рядом с тетей Леной еще несколько минут, прежде чем она уснула. Выйдя из гостиной, я первым делом набрала маму и все ей рассказала. Она пообещала приехать через полчаса.

Дядя Володя производил впечатление сильного, уверенного в себе мужчины. Конечно, постоянный стресс из-за его строительного бизнеса не прошел бесследно. Седина, несколько лишних килограммов и осунувшееся лицо делали его гораздо старше своих лет, но он никогда не жаловался на здоровье. Наоборот, свободное от работы время старался активно проводить с семьей. Неважно, будь то горнолыжный курорт или обычная прогулка в парке.

Глаза защипало от подступивших слез. Я включила в ванной воду и умылась, пытаясь сдерживать рвущиеся рыдания. Грудь сжалась от боли, не давая сделать вдох.

Соберись, Алиса, не хватало еще тебе сорваться в истерику.

Все будет хорошо. Дядя Володя сильный и со всем справится. Я до боли прикусила нижнюю губу, чтобы заглушить рвущийся наружу страх за будущее не чужих мне людей.

Внезапно дверь в ванную распахнулась, и передо мной появилась широкоплечая фигура Алексея.

На нем была синяя спортивная футболка, подчеркивающая его мускулистое тело, и такого же цвета шорты. Я не поверила своим глазам. Мы не виделись два года, и за это время он немного изменился: черты лица стали еще острее, плечи шире, а подбородок покрывала легкая щетина, делающая его более взрослым. В красивых глазах цвета морской волны плескалась тревога.

– Привет, – почему-то прошептала я. – Хорошо, что ты приехал.

Сделав шаг, он притянул меня к себе, и я уткнулась лбом в его грудь. Одной рукой обнимая меня за плечи, другой закрыл дверь в ванную и стал гладить меня по волосам. Не знаю, кому эти объятия были нужнее, мне или ему.

– Не плачь, – приказал он. – С отцом все будет хорошо.

– Я знаю, – прошептала я, опешив от его близости.

Раньше мы никогда не обнимались, не пожимали друг другу руки и вообще не касались без надобности. Обнимать его сейчас казалось чем-то неестественным, странным и в то же время самым успокаивающим действием на земле. Гулко стучащее сердце и испуганный взгляд выдавали его страх. И по несчастливой случайности я была единственным человеком, который мог с ним разделить переживания.

– Я уже и забыл, какая ты плакса.

Мне хотелось огрызнуться за то, что он снова назвал меня этим идиотским прозвищем, но, как только я подняла голову и встретилась с ним взглядом, все слова улетучились из моей головы. Он пытался втянуть меня в перепалку, потому что для него это было возможностью переключиться. И, раз ему это нужно, я подыграю. Мне это тоже нужно.

– А ты все еще не можешь запомнить, что меня зовут Алиса.

– Плакса подходит тебе больше.

Я фыркнула и, выскользнув из его объятий, отступила на шаг назад:

– А тебе больше подходит – наглец, но твои родители почему-то нарекли тебя Алексеем, так что...

Он выдохнул и покачал головой:

– Спасибо, что ты здесь и что помогла маме.

Я пожала плечами:

– Мы друг другу не чужие.

Он кивнул:

– Мелкий позвонил мне около часа назад, и я примчался так быстро, как только мог. Он толком ничего не объяснил, захлебывался слезами и просил приехать. – Парень провел рукой по волосам и снова покачал головой. – Я попросил сходить к вам домой и позвать тебя или тетю Алю. Мне было спокойнее за Мишку и маму, зная, что вы рядом.

Я чувствовала себя неловко. Алексей еще никогда не был со мной таким откровенным, и я не знала, как мне себя вести.

– Мама тоже скоро приедет и будет с тетей Леной столько, сколько нужно.

Алексей кивнул.

– Ты уже знаешь, что случилось? – спросила я у него. – Твоя мама сказала, что у дяди Володи был инсульт и сейчас он в коме.

– Это мне написал Мишка, когда я был на пути сюда. Видимо, он вас с мамой подслушал.

Я кивнула. Мишка был очень напуган, и на его месте я поступила бы так же. У меня сжималось сердце от одной только мысли о том, что пережил ребенок за это утро.

– Что будем делать? – спросила я.

– Я поеду в больницу, все разузнаю, а ты, пожалуйста, останься здесь и присмотри за мамой и мелким.

Что ж, это был хоть какой-то план.

– Откуда ты знаешь, в какую больницу ехать? Твоя мама мне не говорила этого.

– Родители давно наблюдаются в частной клинике, – Лисовский встал. – Я позвонил туда, пока был в дороге, и мне сказали, что отец в реанимации.

Алексей подошел к раковине, включил воду, набрал в ладони воды и плеснул себе в лицо. Взял с крючка полотенце, вытер лицо и посмотрел в зеркало. Все это время я молча следила за его движениями, но, когда наши глаза встретились, отвела взгляд, смутившись.

Мы вышли из ванной комнаты как раз в тот момент, когда в квартиру вошла мама. Она крепко обняла Алексея, по-матерински прижав к себе:

– Все будет хорошо.

Алексей коротко кивнул и, попрощавшись, отправился в клинику.

– Бедный мальчик. – Мама проводила его сочувствующим взглядом. – Я пойду к Лене, а ты побудь с Мишенькой.

Когда я вошла в комнату, Мишка сидел за своим компьютером и листал семейные фотографии. Если он и услышал меня, то не подал виду. Я подошла к нему и положила руку на плечо. Он даже не повернулся в мою сторону.

– Эта фотография с последнего Нового года, – сказал он мне.

На фото была запечатлена вся семья Лисовских. Дядя Володя и Алексей стояли по обе стороны от красиво наряженной елки, Ваня и Мишка присели на корточки по центру елки и широко улыбались. Тетя Лена сидела на полу, а в кольце ее рук была Маруся, которая скорчила рожицу в камеру. От фотографии веяло теплом и любовью. Их семья всегда казалась мне очень дружной.

– С папой все будет хорошо. – Я погладила Мишку по голове. – Он вас очень любит и никогда не оставит.

Мишка шмыгнул носом и щелкнул мышкой, появилась следующая фотография. Это было старое фото с нашего совместного выходного. Две наших семьи тогда поехали к нам на дачу на все выходные. У дяди Володи и моего папы выдались выходные, и наши мамы решили проводить лето шашлыком.

На фотографии дядя Володя стоял с шампурами в руках, в забавном сомбреро серебряного цвета, которое папа где-то откопал и напялил на него. Широко улыбаясь, он прижимал к себе улыбающуюся тетю Лену. Они выглядели очень счастливыми. На заднем плане фотографии я сидела на пенечке с ромашкой в руке и, как сейчас помню, увлеченно гадала, любит ли меня Ваня. Нам тогда, кажется, было по тринадцать лет.

Потом пришел Алексей и начал изводить меня своими шутками, и я, вконец разозлившись, сорвала крапиву и начала бегать за ним. Тогда я очень сильно обожгла руку, но виду не показала и полночи промучилась от сильного зуда. Все из-за дурацкого Алексея. Догнать я его так и не смогла, зато во время завтрака, когда он приподнялся со стула, чтобы положить себе шашлыка в тарелку, я быстро подложила ему свежую крапиву. Он сел и сначала ничего не понял, но когда дотронулся до нее голым бедром, подскочил и опрокинул на себя клюквенный морс. Он выглядел таким разъяренным, что я даже испугалась, что он отомстит мне за эту шалость. Взрослые посмеялись из-за его неуклюжести, и он выскочил из комнаты как ужаленный, заперевшись у себя.

– Папа всегда говорил мне, что я должен защищать маму и сестру, – сказал Миша, листая фотографии. – А я не знаю, как мне сейчас это сделать.

– Просто быть рядом с мамой.

Он покачал головой:

– Меня она не послушала, а когда пришла ты, то ей сразу стало спокойнее. Я – плохой защитник.

Я развернула Мишино кресло так, чтобы он оказался ко мне лицом, и присела на корточки, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

– Ты самый лучший сын и защитник, которого только можно пожелать. – Я аккуратно взяла его за плечи. – У твоей мамы случился нервный срыв, и она успокоилась, только когда я дала ей нужные лекарства, понимаешь?

Он кивнул. Но я не была уверена, что он меня понял.

– Когда я вырасту, стану врачом, чтобы у меня была возможность позаботиться о маме.

Мое сердце сжалось, пока я смотрела на этого маленького мужчину, который переживал за свою семью. Я погладила его по волосам и поцеловала в лоб. Некоторые мальчики в возрасте Миши не позволили бы мне такую нежность в их адрес, но тетя Лена воспитала своих сыновей в любви и ласке, поэтому для них проявление теплых чувств было абсолютно нормальным. Ни Ваня, ни Миша никогда не стеснялись говорить о своих чувствах, хотя многие могли счесть это немужественным. Мне же, наоборот, это всегда нравилось. Странно, что Алексей не был таким же.

– Ты будешь замечательным врачом, – заверила его я. – Расскажешь мне свою версию произошедшего?

Миша кивнул:

– Родители отправили на пару дней нас с Марусей погостить к бабушке Тане. Вечером я заметил, что не взял с собой нужный для приставки диск. – Мишка провел рукой по волосам. – На следующий день, после завтрака, бабушка вызвала такси и попыталась дозвониться до мамы, но та была вне зоны доступа. Когда я приехал домой и услышал, что мама плачет, то сразу же побежал в гостиную, пытался с ней поговорить, но она только плакала. Дома больше никого не было, поэтому я позвонил Алексу и все рассказал, он обещал приехать как можно быстрее и попросил позвать тебя или твою маму.

Синие глаза мальчика заблестели, пока он говорил.

– Папа ведь поправится? – с надеждой в голосе спросил Миша.

– Обязательно.

Не зная, чем себя занять и как еще могу быть полезна, я вышла из комнаты проверить, как там мама и тетя Лена. Из гостиной доносились тихие разговоры и всхлипы, видимо, тетя Лена проснулась. Я не хотела им мешать, поэтому вернулась в комнату Мишки и предложила ему что-нибудь посмотреть. Он охотно согласился и включил свое любимое шоу про роботов.

Мы удобно устроились на его кровати, и во время просмотра Мишка мне постоянно что-то объяснял. Я кивала, иногда сама что-то спрашивала, создавая мнимую вовлеченность, но мыслями была не здесь. Я ждала от Алексея вестей из больницы. Мы договорились быть на связи, но я только сейчас поняла, что его номера у меня нет. Оставалось только ждать, когда он вернется или позвонит тете Лене.

Прошло, наверное, часа два, когда в комнату вошла моя мама и кивком головы позвала меня к себе. Миша спал, а я аккуратно встала с кровати, чтобы не разбудить, и вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Мы с Леной уедем сейчас в больницу, Лешенька позвонил, сказал, что их ненадолго пустят в реанимацию к Володе, – мама тяжело вздохнула и выдохнула, словно собираясь с силами. – Лена всю прошлую ночь умоляла врачей пустить к нему, но ей так и не разрешили увидеть мужа, отправили домой под утро.

– Почему она никому не сказала, не позвонила?

– Сейчас неподходящее время для расспросов. – Мама взяла меня за руку. – С минуты на минуту мама Лены привезет Марусю, побудешь с детьми? А мы втроем поедem в больницу.

– Конечно.

Мы с мамой вошли в гостиную. Тети Лены нигде не было, и мама сказала, что она в ванной приводит себя в порядок. Я собрала с пола смятые салфетки, а мама убрала со стола таблетки и открыла окно, чтобы выветрился запах лекарств.

Я до сих пор не могла поверить в происходящее. Казалось, все это один большой страшный сон. Думать о том, что будет с их семьей, если дядя Володя не выкарабкается, я себе запрещала. Отгоняла эти дурные мысли как могла. Чтобы хоть как-то отвлечься, я достала мобильный и написала Марику:

Дядя Володя в реанимации, у него был инсульт, и он не приходит в себя.

Мне страшно.

Как и всегда, я искала утешения у Марика. Он не ответил мне сразу, и от этого стало еще тоскливее. Сейчас не время тренировки, и я понятия не имела, чем он занят, почему не отвечает. Быть может, гуляет с друзьями? Или с девушкой? Он ничего не говорил о том, есть ли у него кто-нибудь. Раньше мы всем делились друг с другом, но сейчас...

Татьяна Святославовна привезла Марусю как раз в тот момент, когда я набирала Марику еще одно сообщение. Девочка радостно взвизгнула и бросилась в мои объятия:

– Алиса, ты здесь! Я так по тебе скучала!

– И я по тебе, малышка.

Эта была чистая правда. Я любила эту девочку как свою младшую сестру, которой у меня никогда не было. Марусе недавно исполнилось шесть лет, она была шустрым ребенком, ничего не боялась и много болтала. Она была солнышком, согревающим и заряжающим все вокруг.

– А я теперь умею рисовать портреты, – похвасталась она мне. – Хочешь, я тебя нарисую? – Маруся взяла меня за руку и потащила в свою комнату. Только на полпути я сообразила, что не поздоровалась с ее бабушкой. – Здравствуйте, Татьяна Святославовна.

– Здравствуйте, Алиса, – сдержанно отозвалась пожилая женщина.

Вот и все, что мы друг другу сказали. Не знаю, по какой причине, но я чувствовала, что не нравлюсь этой женщине. Да и ко всей нашей семье она относилась скептически. Мы пересекались с ней только на дне рождения тети Лены, она всегда нас сторонилась, словно мы были недостойны сидеть с ней за одним столом.

Когда она узнала, что мы с Ваней встречаемся, то позвонила ему и попросила приехать. Я не знаю, о чем они разговаривали, Ваня мне так и не признался, но он был очень зол, и в тот день мы поссорились из-за очередного пустяка.

– Меня достало, что всем от меня что-то надо, – рявкнул он на меня и запустил подушкой в стену. – Ты пристаешь со своими постоянными разговорами, бабушка пилит, что я должен занять место отца, а ему вообще плевать на меня! Он носится со своим Лешенькой и все надеется, что раз тот ушел из хоккея, то теперь возьмется за ум и устроится работать в его компанию!

Я попыталась его обнять, но он был настолько заведен, что легко оттолкнул меня и отошел к окну. Мне бывало не по себе, когда у Вани случались такие вспышки гнева. Потом он всегда за них извинялся и списывал все на переходный возраст. Моя детская влюбленность не позволяла мне тогда трезво оценить ситуацию, но сейчас я понимала, что дело было не в бушующих гормонах, а в нем самом.

В общем, мы с Татьяной Святославовной старались игнорировать друг друга и ограничивались лишь вежливым приветствием при встречах.

Маруся отвела меня в свою комнату и закрыла дверь.

– Садись, – приказала она мне, указывая на маленький детский стульчик, и я послушно села. – Теперь не двигайся, я буду тебя рисовать.

Она взяла с письменного стола альбом и пачку цветных карандашей и, положив это все на пол, легла на живот.

– Постарайся моргать как можно реже, – потребовала она. – Иначе выйдет непохоже.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещала я, не скрывая улыбки.

– И не улыбайся! Я еще не умею рисовать морщинки!

Я изобразила серьезное лицо:

– Так хорошо?

Маруся несколько секунд разглядывала меня, а затем, тяжело вздохнув, пожала плечами:

– Ты красивая.

Я изо всех сил старалась не рассмеяться, но не получилось. Эта малышка просто чудо.

– Не смейся, иначе получишься некрасивой!

– Прошу прощения, товарищ художник, продолжайте.

Маруся одной ручкой подперла подбородок, а другой принялась рисовать мой портрет. Я услышала, как хлопнула входная дверь. Маруся, кажется, была так увлечена рисунком, что даже забыла про маму. Наверное, в нашей ситуации это только к лучшему.

– Как у тебя дела в художественной школе? – спросила я девочку.

Сейчас конец августа, дети на каникулах, но пару недель назад она снова начала ходить в художку.

– Хорошо, – не отрывая глаз от листа бумаги, отозвалась малышка. – Там весело, я гуляю со своими подружками. У Алены новый набор гуаши, такой большой-большой, и мы смешиваем цвета друг с другом. Это та-а-ак прикольно.

– Звучит интересно.

– Да, это очень интересно, – с энтузиазмом закивала головой Маруся и посмотрела на меня. – Хочешь, я как-нибудь тебя возьму с собой и покажу, что у нас получилось? Иногда выходят некрасивые цвета, а иногда такие классные, что их хочется съесть!

Я улыбнулась. С Марусей было легко болтать.

– Но вы же их не едите?

Она уставилась на меня и покрутила пальцем у виска:

– Конечно нет! Они же невкусные!

– А откуда ты тогда знаешь, что они невкусные?

Маруся немного покраснела и снова уткнулась в свой рисунок. И это было одновременно так мило и смешно, что я не сдержалась и добавила:

– Вот что действительно невкусно – это пластилин. Настоящая гадость.

Девочка с интересом посмотрела на меня:

– Ты ела пластилин?

– Да, я была чуть младше тебя, и мне было интересно, какой он на вкус.

– Круто! – В глазах Маруси читалось восхищение. – Но больше так не делай.

– Не буду.

Маруся снова принялась за мой портрет, прикусив при этом кончик языка. Она была полностью поглощена рисованием, поэтому, когда мой телефон завибрировал, я достала его из кармана и прочитала входящее сообщение от брата:

Жесть. Все будет хорошо, Лисси, я уверен. Держи меня в курсе.

Я тут же ответила:

Мама вместе с тетей Леной уехали в больницу, Алексей уже там.

Сначала я хотела написать брату, что ему нужно позвонить своему другу и поддержать его. Алексей определенно был не в порядке, раз даже обнял меня. Но мне отчего-то не хотелось, чтобы Марик думал о том, что я переживаю за его друга.

Я с Мишей и Марусей у них дома. Мелкая ничего не знает, а Мишка расклеился. Это все кажется каким-то сном.

Я отправила сообщение.

– Алиса, ты должна сидеть ровно! – увидев, что я отвлекаюсь на переписку, приказала девочка.

– Прости, Маруся, мне Марик написал, и я не могла ему не ответить.

– Почему?

– Потому что мы с ним очень редко общаемся и я по нему скучаю.

Мальшка вздохнула.

– Ладно, можешь ему писать, – разрешила она. – Но только если рисунок получится непохож, то это потому, что ты не сидела ровно!

– Договорились.

Я снова перевела взгляд на телефон.

Дерьмо случается. Но я уверен, что все обойдется. Как у тебя дела?

Я задумалась, не зная, как ему ответить. Мне нужно было рассказать ему, что я встретила его друзей и один из них пригласил меня на свидание. Рассказать, что мое сердце разрывается сейчас от печали за самых близких нашей семье людей. Но разве можно все свои чувства вместить в сообщение? И получу ли я от Марка ту поддержку, в которой сейчас нуждаюсь, или он снова пропадет на несколько часов, а когда вернется в сеть – мне это будет уже не нужно? Ответа на этот вопрос у меня не было, но и узнавать не хотелось. Поэтому я просто написала:

Стараюсь не думать о плохом. А ты там как?

Марк ответил сразу же:

Устал как собака, но скоро буду дома, и это чертовски радует. Могу тебя сейчас набрать?

Мне очень хотелось поговорить с братом, но при Марусе разговора не вышло бы, а оставлять ее одну мне не хотелось. Я тяжело вздохнула и напечатала ответ:

Сейчас не могу. Но я бы очень хотела с тобой поговорить, мне так много тебе нужно рассказать.

Мне тоже. Тогда сейчас я позвоню Лису, спрошу, как он. Думаю, теперь ему не до дня рождения.

А я об этом даже не подумала. Алексей вскоре должен был отмечать свой день рождения в одном из самых крутых баров нашего города. Но в сложившейся ситуации не думаю, что Алексея все еще заботит праздник. Даже если дядя Володя быстро придет в себя, то вряд ли его скоро выпишут. Я не много знала об инсультах, но из прочитанного в интернете было понятно, что восстановление будет небыстрым. Главное, чтобы дядя Володя поправился, а остальное неважно.

Алиса

Я не заметила, как уснула вместе с Марусей у нее на кровати. До этого она меня долго рисовала, потом попросила почитать ей сказку, и мы заснули. Стресс и усталость давали о себе знать.

Я осторожно встала, стараясь не разбудить девочку. Она мирно спала, свернувшись рядом со мной в клубочек. Я на цыпочках вышла из комнаты и, пытаясь не создавать шума, закрыла за собой дверь.

В квартире стояла тишина. Взглянув на часы, я удивилась, что они показывали пять часов. Заглянула в комнату Миши, но его там не было. Достав из кармана телефон, я позвонила ему, но он не ответил. Стараясь не паниковать, я позвонила своей маме, вдруг он поехал к ним в больницу.

– Да? – Мама ответила почти сразу же.

– Как дела?

– Без изменений. – Она тяжело вздохнула. – Лену пустили в реанимацию только на минутку, затем ей дали успокоительное. Сейчас с ней ее мать. Я за нее очень сильно переживаю. Она отказывается ехать домой и, кажется, забыла обо всем, кроме Володи.

Мама ненадолго замолчала, а потом добавила, понизив голос:

– Это очень тяжелая ситуация, но у нее есть дети, которые в ней нуждаются. Я пытаюсь уговорить ее вернуться домой, но она меня не слышит.

По голосу я поняла, что мама очень расстроена.

– Я присмотрю за ними, не беспокойся, – заверила я.

– Я знаю. Но ты не заменишь им маму. К тому же тебе через пару дней на учебу, а мне нужно заниматься кофейней. Мы не можем находиться с ними постоянно.

– Все будет хорошо, мам, мы не бросим тетю Лену одну.

– Конечно, мы ее не бросим.

Я чувствовала, что мама хотела сказать что-то еще, но больше она ничего не произнесла, поэтому заговорила я:

– Мам, Мишки нет дома, и трубку он не берет, я беспокоюсь.

– Я уверена, с ним все хорошо. Мальчик просто пошел прогуляться. Я скажу Лешеньке, может, он знает, где его искать, – успокоила она меня. – Как Маруся?

– Спит.

– Хорошо. Я пойду к Лене, скоро увидимся.

Мама закончила разговор, и я снова осталась одна. Надеюсь, Алексей найдет Мишу и не открутит мне голову за то, что я не уследила за его младшим братом.

Ну а мне не мешало бы принять душ. Вернуться домой, чтобы принять душ, я не могла. Вдруг Маруся проснется, не найдет меня и испугается.

Не мешало бы переодеться, но рыться в чужих шкафах в поиске одежды было слишком нагло. Я прошла в ванну, сбросила с себя пижаму и встала под горячий душ. Тело расслабилось под упругими струями душа, и напряжение, которого я раньше не замечала, стало постепенно уходить. Каждая клеточка моего организма будто бы задышала и вдохнула в меня жизнь.

Взяв с крючка полотенце, вытерлась, а затем бросила его в стиральную машинку. Снова надела пижаму, провела ладонью по запотевшему стеклу и посмотрела на свое отражение.

Мне никогда не нравился цвет моих глаз – серый, мрачный, неинтересный. Цвет засохшей осенней грязи. Хотя, возможно, именно он мне идеально и подходил. Я сама была такой: серой и невзрачной. За свои двадцать лет так и не нашла, чем бы мне хотелось заниматься. Перепробовала много всего: рисование, танцы, фотография, музыкальная школа, вокал. Поначалу всегда все шло хорошо: я с энтузиазмом встречала что-то новое, загоралась этим занятием, но, как только что-то не получалось, сдувалась, и мой интерес тоже пропадал. Единственное занятие, которым я занималась с завидным постоянством, – работа официанткой в «Утопии».

Марик всегда говорил, что я особенная и поэтому мне сложнее найти то, что будет делать меня счастливой. Я закатывала глаза, но думала, что он самый лучший брат на свете, потому что искренне так считал. А еще дико завидовала, что он нашел свое любимое дело, а я до сих пор находилась в поисках. Марику не приходилось перебирать множество разных занятий, терпеть неудачи и разочаровываться в себе. Он с раннего детства нашел себя и сейчас был одним из лучших молодых хоккеистов нашей страны. И я ни секунды не сомневалась в том, что он исполнит свою мечту и станет обладателем Кубка Стэнли. А я так и останусь девочкой, которая не знает, чего хочет.

Специальность в университете я тоже выбрала наобум. Мне нравилось смотреть исторические фильмы, поэтому я просто подала документы на исторический факультет, специальность – история и музееология. Не сказала бы, что за два года обучения я прониклась историей, но было интересно слушать преподавателей. Образование я получала для галочки. Понимала, что не я первая и не я последняя такая, но чувствовать себя неудачницей из-за этого не переставала.

Блиzkих друзей у меня тоже не было. Знакомых – полно. Но никто из них не стремился сблизиться со мной, впрочем, как и я с ними. Я была серой мышкой, с которой иногда было интересно коротать время.

Так что да, пусть мне и не нравился серый цвет моих глаз, подходил он мне идеально. Я провела пальцами по влажным волосам, расчесывая их. Затем прошла на кухню, чтобы приготовить ужин, стараясь не думать о том, что хозяйничать на чужой кухне некрасиво. Я решила быстро пожарить курицу с луком и отварить макароны. Когда почти все было готово, а я сжалась со слезами из-за дурацкого лука, сзади раздался тоненький детский голосок:

– Алиса, ты плачешь?

– Боже, ты меня напугала! – Я повернулась к Марусе. – Ты чего так тихо подкралась?

Девочка пожала плечами:

– Ты меня просто не слышала. Почему ты плакала?

– Я не плакала. От лука текут слезы..

Маруся взобралась на стульчик, а я отвернулась, чтобы перевернуть курицу, добавила к ней лук и все перемешала.

– Но слезы же текут, когда ты плачешь? – спросила малышка.

– Все верно.

– Значит, ты плакала из-за лука?

– Да, – подтвердила я.

– Но ты сказала, что не плакала.

– Я не плакала, они сами потекли по моим щекам.

– Значит, ты плакала, но не хотела плакать?

– Что-то вроде того.

– А я тоже иногда плачу, когда этого не хочу.

Я повернулась к девочке:

– Это нормально. Мы плачем, чтобы справиться со своими эмоциями.

– А когда ты плакала в последний раз? – задала еще один вопрос Маруся.

Я улыбнулась ей. Она была маленькой почемучкой.

– Совсем недавно прищемила пальцем дверь. И вообще, скажу тебе по секрету, я жуткая плакса. Но только никому, договорились?

Маруся уверенно кивнула, а я снова повернулась к плите.

– А что ты готовишь? – спросила Маруся. – Пахнет вкусно.

– Макароны с курицей терияки. Ты голодная?

Маруся вскочила со стула и подбежала ко мне, чтобы заглянуть в сковороду:

– Да!

Я положила ей порцию. Блюдо было еще горячим, поэтому я поставила тарелку на стол и попросила ее подождать, чтобы не обжечься.

Взяв свою тарелку, я присела за стол рядом с Марусей. Ужинали мы в полной тишине до тех пор, пока не услышали, как открывается входная дверь.

– Алекс! – вскрикнула Маруся и, бросив вилку, понеслась к двери.

Я обернулась и увидела, как брат подхватывает сестру на руки, а та обвивает его шею руками.

– Я по тебе соскучилась! – сказала ему Маруся и еще сильнее обняла него.

Алексей улыбался ей и шептал что-то на ухо, и Маруся смущенно хихикала. Внезапно я почувствовала себя не в своей тарелке, лишней в этом семейном воссоединении, словно я была здесь чужой. Я поднялась со своего стула и подошла к ним.

– Привет, – сказала я.

– Привет.

Конечно, у меня был к Алексею миллион вопросов, но, пока Маруся была рядом, говорить о дяде Володе мы не могли.

– Ты голоден?

– Алиса сварила вкусные макароны! Поешь с нами? – с энтузиазмом залепетала Маруся.

– Конечно, – сказал Алексей и, сняв обувь, прошел в гостиную, усадив сестру за стол. – Только руки помою.

Маруся снова вернулась к своей тарелке, а я не знала, куда мне себя деть. Почему-то присутствие Алексея сбивало с толку. Мне было не по себе. Я не могла понять отчего именно: то ли оттого, что мы общались без привычных подколов, то ли от самого факта этого разговора.

Я достала тарелку, но не решалась положить еду Алексею. Я так и застыла с тарелкой в руке, пока Алексей не вернулся из ванной.

– Я сам могу о себе позаботиться. – Он забрал из моих рук тарелку и, улыбнувшись, добавил: – Плакса.

Ну гад.

– Я и не собиралась о тебе заботиться, – тихонько, чтобы Маруся ничего не услышала, сообщила ему я. – Просто достала тарелку.

– Ну конечно, – ухмыльнулся он, а я вернулась на свое место за стол.

Как только Алексей сел напротив меня, Маруся тут же принялась ему рассказывать буквально все, чем делилась ранее со мной.

Я слушала их разговор вполуха и пыталась понять, почему Алексей хорошо ладил с Марусей и Мишей, а с Ваней они всегда грызлись. Когда я встречалась с Ваней и проводила время у Лисовских, они либо ссорились, либо друг друга игнорировали. Я всегда думала, что проблема в Алексее. Он умел доводить людей до белого каления, это я по себе знала. Да и в целом персонаж он был сложный, мне непонятный. Ваня называл брата эгоистом, говорил, что тот думает только о себе, а на других, включая близких, ему плевать. Я особо не углублялась в их дела, но придерживалась об Алексее такого же мнения, как и Ваня, из солидарности. Ваня был моим парнем, и я должна была быть на его стороне.

– А где мама и папа? – задала очередной вопрос Маруся.

Я посмотрела на Алексея и порадовалась, что он здесь, иначе на этот вопрос рано или поздно пришлось бы отвечать мне.

– Папа заболел, а мама следит, чтобы он поправлялся, – секунду подумав, ответил он.

– А почему папочка болеет не дома? – Голос малышки стал грустным. – Когда я болела, то была дома, смотрела мультики в своей кровати, а мама приносила мне невкусный сироп.

Алексей взглянул на меня, а затем перевел взгляд на Марусю:

– Папа не дома, потому что не хочет тебя заразить, чтобы тебе не пришлось снова пить невкусный сироп.

– Я потерплю, если надо будет пить сироп, только бы папа и мама были дома.

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами, и, чтобы ни Маруся, ни Алексей этого не заметили, подхватила свою тарелку и направилась к раковине.

– Я знаю, конфетка. – Голос Алексея стал мягким и успокаивающим. – Скоро ты их увидишь, а пока с тобой побуду я. Идет?

– Хорошо, – ответила Маруся, и я услышала хлопок ладоней, видимо, они дали друг другу пять.

Я включила воду и принялась не спеша мыть посуду. То, что Алексей не стал врать сестре, меня удивило и, наверное, восхитило. Конечно, он не сказал ей всей правды, но и выдумывать ничего не стал.

Алексей

- Думаю, мне пора домой. – Алиса выключила кран и повернулась к нам. На ее лице была натянутая улыбка, глаза покраснели. И все же она та еще Плакса, сколько бы ни пыталась это отрицать.
- Ты уже уходишь? – спросила Маруся.
- Да. – Алиса подошла к моей сестре и чмокнула ее в лоб. – Но завтра я обязательно приду.
- Обещаешь?
- Конечно.
- Алиса наклонилась и обняла Марусю. Маленькие руки сестры тут же обвили ее шею.
- Буду тебя ждать.
- Затем Алиса посмотрела на меня:
- Проводишь меня до двери?
- Я повернулся к сестре:
- Ты побудешь пять минут одна?
- Маруся кивнула, и мы с Алисой вышли в холл. Я собирался проводить ее до квартиры. Когда мы дошли до входной двери, она остановилась и посмотрела на меня большими серыми глазами:
- Ты ведь не собираешься провожать меня до МОЕЙ двери?
- Вообще-то собираюсь, – сказал я и открыл дверь на лестничную площадку. – Ты не уточнила, до какой именно двери тебя проводить.
- Она нахмурилась и молча вышла, а я за ней.
- Я недоглядела за Мишей, – повернувшись ко мне лицом, протараторила Алиса. – Уснула вместе с Марусей, а когда проснулась, в квартире его уже не было.
- От волнения она теребила завязки своей плюшевой пижамы и виновато смотрела мне в глаза.
- Не беспокойся, он мне позвонил и предупредил, что останется у друга. Завтра утром вернется домой.
- Алиса, кажется, расслабилась и кивнула, затем развернулась и зашагала вверх по лестнице. Я последовал за ней.
- Как дядя Володя? – спросила Плакса.
- Пока без изменений, врачи говорят, что все будет зависеть от того, когда он придет в себя. – Мысли о том, что отец не очнется, я не допускал. – Мама от него не отходит.

Алиса остановилась у своей двери. Плакса смотрела на меня с сочувствием, и от этого взгляда сундук с чувствами, который я давно в себе закопал, задрезжал где-то внутри меня, пытаюсь открыться.

– Я уверена, что все будет хорошо. – Алиса улыбнулась и потянулась рукой ко мне, но опомнилась и одернула себя. – Ты выглядишь уставшим. Если получится, постарайся поспать.

Я усмехнулся. Она была измотана не меньше моего и все же переживала за меня. В этом была вся Плакса. Маленький розовый ураган эмпатии и заботы.

– Не беспокойся обо мне. – Как только я произнес эти слова, ее взгляд изменился, стал более холодным и отстраненным. – Спасибо, что ты сегодня позаботилась о мелких. Завтра их заберет к себе бабушка.

– Я могу с ними посидеть, мне не сложно...

– Это бессмысленный разговор, – перебил я ее. – У тебя своя жизнь, да и мелким будет лучше под присмотром бабушки.

Алиса неуверенно кивнула, и было видно, что ее это расстроило. Но тетя Аля права – они не могут проводить все свое время, решая наши проблемы.

– Ладно, как скажешь. – Она пожала плечами. – Но мне безразлично состояние дяди Володи. Если тебе не сложно, держи меня в курсе.

– Конечно.

– Тогда пока. – Алиса достала ключи из кармана и повернулась к двери, давая понять, что разговор окончен.

– Пока, Плакса. – Я быстро прошептал ей это на ухо, а затем так же быстро сбежал вниз по лестнице.

– Еще раз меня так назовешь, я тебе язык откушу! – услышал я вслед гневное шипение Алисы и невольно улыбнулся.

Я не мог объяснить, почему мне так нравилось изводить Алису. Положа руку на сердце, с самого детства я всячески пытался ее доставать. Она была маленькой, всюду таскалась за Марком, или он таскал ее за собой, и меня это бесило. Мне нравилось гулять с ним, а он почти всегда был с ней, и из-за этого мать часто заставляла брать с собой гулять Ивана-дурака. И я вымещал свою детскую злобу на ней. Алиса была пугливой, и я частенько говорил ей грубости. Она никогда не плакала и не жаловалась, но начала меня сторониться.

Став старше, я перешел от слов к делу. Когда она бывала у нас в гостях, я мелко пакостил: однажды обмазался бутафорской кровью и вбежал в комнату брата, изображая, что порезался. Иван-дурак испуганно закричал, а Алиса подбежала ко мне и спросила, где болит. Когда я посмеялся над ее реакцией, она впервые расплакалась. То ли от испуга, то ли от обиды. Но с того дня начала давать мне отпор. Это было слабо и неумело, но я и этим был восхищен. Для девочки с ее характером это был настоящий подвиг. Она никогда не была бойцом.

Невысокая, с острыми плечами, большими серыми глазами и длинными волосами, ее внешняя хрупкость в сочетании с внутренней добротой и нежностью делали ее самым опасным для меня человеком. В какой-то момент она стала девочкой, чей взмах ресниц заставлял мое сердце замирать. Когда я видел ее грустной, мне хотелось защитить ее от всего мира, рассмешить и снова увидеть ее улыбку. Жаль, что от себя самого я не мог ее уберечь. Или не хотел. Как правильно – я тогда не пытался разобраться.

Когда мне было семнадцать, мы с парнями из хоккейной команды зависали у нас во дворе. Не помню, какой был месяц, но точно осень, мерзкая, дождливая и грязная. Я увидел приближающуюся к нашему подъезду Алису и не раздумывая двинулся в ее сторону. Не знаю зачем. Ноги сами понесли меня, и я загородил ей путь.

Она скрестила руки на груди и, прищурившись, посмотрела на меня:

– Дай пройти.

– А волшебное слово? – развеселился я.

– А ты веришь в волшебство? – поправляя шапку, съехавшую на глаза, спросила она.

– Я – нет, а вот ты, судя по всему, – да. Раз повелась на сказки моего братца.

Мне должно было быть все равно, с кем встречается мой младший брат, но правда в том, что он не заслуживал быть рядом с Алисой. Он был самым настоящим самовлюбленным кретином, и ему нужен был кто-то такой же. Но никак не тихая, добрая Алиса. Она заслуживала парня получше. Я злился, что именно Иван стал ее принцем на белом коне. И это дословная цитата, я слышал, как она именно так говорила Светлому о моем младшем брате. Принц. Ну да.

– Я люблю сказки, – пожала она плечами. – Они интересные и поучительные. А теперь, будь добр, уйди с дороги.

– А что, если не хочу?

Алиса недовольно насупилась и попыталась обойти меня, но я незаметно выставил свою ногу, и она, споткнувшись, упала на землю. Ее колени, обтянутые, как назло, светлыми джинсами, угодили прямо в лужу. Алиса выставила одну руку вперед, чтобы не распластаться на земле всем телом. Брызги грязной воды испачкали ее куртку. Я уже говорил, что ненавижу осень? И себя.

Все во мне замерло. Я испугался и присел рядом с ней на корточки, чтобы помочь подняться. Идиотские поступки имеют последствия, которые не разгребешь и за всю жизнь. Когда наши взгляды встретились, сердце набрало такой разгон, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Поздравляю, в этот раз ты превзошел самого себя. – В отличие от покрасневших глаз и дрожащих губ, ее тон был ледяным. – Больше никогда не смей даже смотреть на меня. И не подходи.

С каждым ее словом из меня будто выбивали воздух. Я понимал, что на этот раз перешел черту дозволенного. Я не хотел, чтобы все так вышло. Это глупое решение привело к настоящей катастрофе. Но еще более тупым было то, что я произнес, открыв свой гребаный рот:

– Смотреть куда, на твое испачканное лицо? Или в твои глаза цвета грязи на твоих коленках?

Она отшатнулась от меня, будто я ее ударил. А мне захотелось вырвать себе язык и скормить его дворовым собакам. Я врал. Я так безбожно врал, потому что ее глаза были самыми прекрасными. Два опасных грозовых облака, смотревших на меня сейчас с презрением.

С того дня она пыталась меня игнорировать. Это было сложно, учитывая, как близка она была с моей семьей и как часто бывала у нас дома. Я перестал доставать ее и вместо этого полностью сосредоточился на своем младшем брате. К слову, Алиса никому не рассказала про тот инцидент, иначе ее брат за это точно разукрасил бы мне морду. И я бы позволил ему. Я ненавидел себя за те слова и свой поступок. А если уж быть совсем честным, я стыдился смотреть Алисе в глаза, потому что видел в них то же разочарование и обиду, с которыми она смотрела на меня в тот вечер. Как ни странно, она не затаила на меня злобу, просто делала вид, что меня не существует. Я пытался тоже не обращать на нее внимания, но это было чертовски сложно.

Когда Алиса появлялась у нас дома, то заполняла собою все пространство. Она заливисто смеялась, когда Мишка пытался ее щекотать, заплетала Марусе косички, помогала маме накрывать на стол и дарила смущенные улыбки своему бойфренду. Я чувствовал ее присутствие каждым миллиметром своего тела и купался в этом ощущении, наслаждался этими моментами. Она всегда была рядом, но не со мной. Ее улыбки, взгляды и слова – все это предназначалось не мне. Тогда я не думал о том, почему я к ней так отношусь. Но теперь я понял, что эта девочка мне безразлична. Она нравилась мне.

Я вернулся в квартиру родителей. Маруся выбежала ко мне и остановилась напротив, склонив голову набок:

– Проводил?

– Конечно. – Я подхватил сестру на руки и прошел в гостиную.

Мы опустились на большой диван, и я включил телевизор. У меня была масса других дел, которые нужно было закончить, но я не мог ими заняться, пока все внимание Маруси было сосредоточено на мне. Я искал канал с мультиками.

– Что ты хочешь посмотреть? – спросил я сестру.

– Ничего. – Она пожала плечами. – Может, поиграем в мою новую настольную игру?

– Сейчас не получится, мне нужно сделать пару звонков, а потом мы сможем поиграть. Идет?

– Ты говоришь как папа, – вздохнула она и взяла у меня пульт. – Но он никогда после своих важных разговоров не возвращался поиграть со мной.

Маруся не выглядела расстроенной, но я все равно почувствовал укол вины.

Чмокнув сестру в лоб, я встал с дивана. В этом доме больше не было моей комнаты и места для меня. После того как я съехал, мама почти сразу же переделала мою спальню в гостевую.

Я закрыл дверь и подошел к окну, мысленно собираясь выслушивать причитания Марины из-за отмены вечеринки по поводу моего дня рождения, организацией которой она занималась последние два месяца. Я набрал ее номер.

– Привет, любимый, – прошептала Марина. – Наконец ты позвонил! Я соскучилась.

Ее голос, как всегда, был звонким.

– Отец в реанимации. – Я не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу: – Поэтому вечеринки не будет.

– Боже мой! – вскрикнула Марина. – Владимир Ильич обязательно поправится! Ты где сейчас? Я приеду!

Я устало прикрыл глаза. Наверное, я ужасный человек, если не хочу, чтобы моя девушка была рядом.

– Не нужно приезжать. Я в доме родителей, присматриваю за Марусей. Прости, но сейчас я хочу полностью сосредоточиться на своей семье. Ты отменишь вечеринку?

Задав этот вопрос, я почувствовал облегчение. Я не был любителем пышных празднований и не собирался отмечать свой день рождения с большим размахом, но Марина хотела сделать этот вечер особенным и умоляла разрешить ей всё организовать. Было ужасно сознавать, что я не чувствую к ней того, что она ко мне, поэтому согласился.

– Конечно, любимый, все отменю, не переживай. А после приеду к тебе, помогу.

Я устало вздохнул:

– Марин, не нужно приезжать. Я тебе позвоню...

– Но я ведь твоя девушка, я хочу быть рядом, поддерживать тебя. – В ее голосе проступили обиженные нотки.

Я прикрыл глаза. С Мариной всегда так. Она старалась как можно больше времени проводить со мной. Иногда мне казалось, что если бы она могла, то следовала бы за мной по пятам. С недавнего времени она даже начала намекать на то, чтобы нам съехаться, но я делал вид, что не понимаю, чего она хочет.

Мне нравилась Марина. С ней было легко. Она не устраивала скандалов, ничего от меня не требовала, всегда поддерживала и была рядом. Я ее об этом не просил, но и не отказывался, что было нечестно с моей стороны, потому что дать того же я ей не мог. Когда она заговорила о совместной жизни, я понял, что пора заканчивать наши отношения. Марина заслуживала рядом человека, который будет любить ее, а не позволять ей любить себя.

– Знаю, что ты переживаешь, и обещаю держать тебя в курсе происходящего, но мне проще будет со всем разбираться одному. Извини.

– Ладно, – отступила Марина. – Как твоя мама?

Я рассказал ей в общих чертах, как прошел сегодняшний день. Марина задавала вопросы, а я отвечал. Наверное, нужно было спросить, как у нее прошел день, но я этого не сделал, словно еще пять минут разговора с ней могли меня убить. Я был плохим человеком. И самое ужасное, что осознал это и ничего не делал, чтобы это исправить.

Мы попрощались, и я зашел в мессенджер. Я не удивился, увидев сообщение от Светлого. Алиса ему рассказала, иначе и быть не могло. Эти двое никогда ничего друг от друга не скрывали.

Когда я вернулся в гостиную, Маруся уже спала. Первым моим порывом было разбудить ее и отправить умыться и почистить зубы, но мне не хотелось прерывать детский сон. Я взял ее на руки и отнес в гостевую комнату.

Положив сестру на кровать и накрыв одеялом, сам устроился с другой стороны от нее. Спать не собирался. Нужно было разобраться с делами, связанными с бизнесом отца. Пока еще никто не знает о том, что случилось, но это ненадолго. Я заплатил персоналу в больнице за молчание, но кто-нибудь все равно проболтается.

Я не хотел иметь ничего общего со строительным бизнесом отца. Мне это было неинтересно, и я в этом совершенно ничего не понимал. Мой средний братец – другое дело. Но мама взяла с меня обещание не звонить ему и не говорить о случившемся. Она переживала, что ее любимый сын бросит учебу и примчится домой, узнав, что отец в больнице. Как по мне, именно это и следовало бы ему сделать. Но мама даже слышать об этом не хотела, поэтому мне пришлось ей пообещать, что дела кампании я возьму на себя. По иронии судьбы я пришел к тому, от чего бежал всю свою жизнь.

Алиса

Новый день встретил меня ароматом кофе и жареных сырников. Вскочив с кровати, я побежала на кухню, заранее зная, что меня там ждет.

Мама сидела за столом с чашкой кофе в одной руке и мобильным телефоном в другой. Как обычно, читала новости. Я села на свое место. Да, у меня, как и у Шелдона из «Теории большого взрыва», было свое место за столом.

– Доброе утро. – Мама отложила телефон и улыбнулась мне: – Знала, что кофе и сырники сработают лучше любого будильника.

– Как и всегда.

На свете не существовало ничего вкуснее маминых сырников. Я положила себе пару штук.

– Я вчера тебя не дождалась – уснула. Как дела в больнице?

Мама погладила меня по волосам:

– Володя в стабильном состоянии, но в себя еще не пришел. Врач говорит, чем быстрее он придет в себя, тем больше шансов на успешное выздоровление.

– А можно ему как-то помочь прийти в себя? – Я сделала глоток кофе.

Мама отрицательно покачала головой:

– Нет, это зависит только от него. – Она повернулась ко мне и нахмурилась, словно раздумывала, стоит ли мне говорить. – Лена безутешна. Я ее такой ни разу не видела за все годы нашей дружбы. Не хочу нагнетать, но, если Володя не выживет, она ляжет рядом.

Я перестала жевать, испуганно уставившись на маму:

– Не говори так.

Мама вздохнула и смахнула со стола несуществующую пыль.

– Лена убита горем, я это понимаю и как ее подруга готова ей всецело помогать и поддерживать. – Она обреченно вздохнула. – Но как мать я не могу принять то, что она забыла о существовании своих детей.

– Она любит дядю Володю. Он самый родной человек, ей тяжело.

– А дети – чужие? – Кажется, мама была разочарована поведением тети Лены. – Послушай, я понимаю, что, возможно, это прозвучит ужасно, но считаю, что мы не должны им помогать.

Я не верила своим ушам:

– Мама, как ты можешь такое говорить!

– А как иначе Лена придет в себя? – Мама поставила чашку на стол и всплеснула руками. – Она знает, что есть люди, которые могут подстраховать, поэтому даже не старается взять себя в руки.

Впервые я видела маму в таком отчаянии. И мне было знакомо это чувство беспомощности: хочешь помочь близкому, но не знаешь как.

– Бросить их – не лучший способ привести тетю Лену в чувство. Маруся и Мишка не виноваты в том, что происходит. Она придет в себя, ей просто нужно немного времени.

– Я не хочу быть монстром в твоих глазах. – Мама сжала мою руку. – Ты же знаешь, я их люблю не меньше твоего. Но им нужна мама рядом, а я не знаю, как ее вернуть.

– Мам, она еще никуда не уходила. Ты волнуешься о том, чего нет. Тетя Лена горюет – это нормально, и пока у нее есть мы, она может ни о чем другом не думать. Ты хочешь потерять свою лучшую подругу, бросив ее?

Я знала, что мама никогда бы в жизни так не поступила. Ее слова продиктованы страхом за близкого человека, а не реальным желанием бросить их в такой сложной ситуации. Добрее и заботливее человека, чем моя мама, я еще не встречала.

– Конечно нет. Я просто хочу, чтобы Лена пришла в себя.

– Так поговори с ней. Попробуй достучаться, не бросая ее.

Нежность и гордость, с которыми мама на меня посмотрела, заставили меня улыбнуться.

– Какая у меня мудрая дочь. – Мама погладила меня по волосам и встала из-за стола. – Мне нужно в кофейню, а после поеду к Лене в больницу. Отнесешь завтрак ребятам?

В контейнере были аккуратно сложены сырники. После завтрака я умылась, переоделась и спустилась на этаж ниже, выполняя мамину просьбу. Нажала на звонок, и вскоре послышались шаги. Дверь открылась, и передо мной появился Алексей.

– Доброе утро. – Я помахала контейнером перед его лицом. – А я тут завтрак принесла.

Он нахмурился, словно не узнавал меня, но спустя пару секунд пригласил войти. Я прошмыгнула внутрь, стараясь его не задеть. На кухне увидела Мишку, который сидел за столом с таким же невыспавшимся лицом, как и у старшего брата.

– Привет, беглец! – Я подошла к нему и легонько стукнула по плечу. – В следующий раз, если надумаешь снова пропасть, предупреждай меня, ладно?

Парень кивнул. Я поставила чайник и достала кофе:

– Вы вообще спали?

Алексей сел за стол и пристально посмотрел на меня. Кажется, он начал приходить в себя, но глаза у него были красные, словно он и правда всю ночь не спал.

– Нет, – ответил Алексей.

– Да, – одновременно с ним ответил Мишка.

Я достала тарелки и поставила их перед парнями.

– Не стоило напрягать себя приготовлением завтрака, – накладывая себе в тарелку сырники, сказал Алексей. – Мы сами можем о себе позаботиться.

Я поставила перед ними по чашке кофе и села на свободное место:

– Даже в своем самом кошмарном сне я бы не стала о тебе заботиться. Мама приготовила их для вас. Она бы и сама зашла, но у нее много дел в «Утопии».

– Сырники очень вкусные, – пробормотал Мишка, уплетая завтрак за обе щеки. – Спасибо.

Я ему улыбнулась. В отличие от своего старшего брата, он знал, что такое вежливость.

– А ты можешь не есть, мне больше достанется, – сказал он Алексею.

Тот с невозмутимым видом наколот на вилку кусочек сырника и отправил его в рот, сделав глоток кофе. *Наглец.*

– Какие планы на день? – поинтересовалась я.

Я не удивилась, что ответил мне Мишка. Может, у нас с его братом и наступило негласное перемирие, но общаться друг с другом было все еще непривычно.

– Сейчас бабушка должна прийти, она заберет к себе Марусю. Я поеду в больницу, а Леха в офис.

– Я уже говорил, что ты поживешь у бабушки до тех пор, пока мама не вернется домой. Тебе нужно подготовиться к школе, она проследит за этим, – сказал Алексей. – И мы уже обсудили, что в больнице тебе делать нечего.

Мишка откинул со лба свои темные волосы и раздраженно фыркнул. Они с Алексеем были очень похожи, правда, в отличие от своего спортивно сложенного брата, Мишка был щуплым, с гнездом на голове вместо нормальной прически, одетый в бесформенный оверсайз. Но, насколько я знаю, сейчас большинство подростков так ходят.

– Не включай отца. Мы ничего не обсуждали, ты сам все решил. И вообще, плевать на школу, маме я нужнее.

– Нет.

– Да. Ты мной не командуешь. – Обычно тихий, Мишка начал злиться. – Ты за два года только третий раз дома появился и сейчас строишь из себя главу семьи.

Алексей как ни в чем не бывало продолжал пить кофе. Казалось, его совсем не заботило, что его младший брат медленно закипал.

– Я – старший, а значит, несу за вас ответственность, пока родители не в состоянии это делать. И будет здорово, если ты мне в этом поможешь, а не будешь вести себя как маленький ребенок.

Мишка допил кофе и встал из-за стола.

– Командуй у себя дома, – сказал он и вышел.

Вот это доброе утро. Я бы предпочла не быть свидетелем их разборок, но уж как есть. Алексей вчера ясно дал понять, что они не нуждаются в моей помощи, поэтому мне здесь больше делать нечего. Тем более с минуты на минуту должна прийти их бабушка, а с этой женщиной мне меньше всего хотелось пересекаться.

Я встала из-за стола.

– Ты куда?

– Домой.

Алексей нахмурился.

– Присядь, – приказал он.

Я не сдвинулась с места, тоже мне, нашелся командир.

– Пожалуйста.

– Я постою.

Он закатил глаза, но спорить не стал и встал со своего места, возвышаясь надо мной как огромная ледяная скала:

– Я хотел тебя попросить поехать со мной в больницу.

– Зачем?

Вообще-то я и сама планировала навестить тетю Лену и узнать, как себя чувствует дядя Володя.

– Хочу, чтобы ты побыла с мамой, пока я буду разговаривать с врачом. Ей нужен кто-то рядом.

Недолго думая, я кивнула.

– Но мы возьмем с собой Мишку, – поставила я условие. – А после мы с ним поедem докупим вещи, которые ему нужны для учебы.

– Ладно, я вас отвезу куда нужно.

– Нет, мы сами. У тебя дела в офисе, или ты забыл?

Алексей смотрел на меня сверху вниз, и, желая казаться выше, я выпрямила плечи и приосанилась. Он, заметив это, сдержал улыбку.

– Да, точно, дела.

Мы договорились встретиться через час у подъезда. К этому времени Татьяна Святославовна уже заберет к себе Марусю.

Сегодня было холоднее, чем в предыдущие дни, поэтому я переоделась в белый укороченный топ с длинными рукавами, темно-синие джинсы клеш и накинула вязаный кардиган нежно-голубого цвета с вышитыми белыми нитками облаками. Я обожала его. Он был в меру

теплым, а еще очень милым. Марик частенько смеялся надо мной из-за моей любви к чудным вещам. Но моей самой необычной вещью в гардеробе была футболка с вышитыми на ней строками из моих любимых стихотворений. Мама подарила мне ее на шестнадцатилетие, и я не часто носила ее, боясь испортить.

За лето мои волосы отросли чуть ниже лопаток, и, чтобы они не путались от ветра, я заплела их в косу. Несколько прядей выбивались из прически, но эта небрежность гармонично вписывалась в мой образ. Я не умела краситься так, чтобы мне это шло, поэтому ограничилась тушью для ресниц и карандашом для бровей.

У меня оставалось еще пятнадцать минут до встречи с Алексеем и Мишкой. Я решила попытать счастья и позвонила Марику.

Спустя несколько долгих гудков я услышала самый родной голос на свете:

– Алло?

– Я тебя разбудила?

– Угу. – Голос у брата был сонный. – Но это даже хорошо. Все равно скоро вставать.

Черт, подожди.

Послышалось шуршание и скрип двери, а затем Марк заговорил шепотом.

– Ты там не один?

– Нет.

– А с кем? – Внутри меня разгоралось любопытство.

– С девушкой.

Конечно, я знала, что мой братец не монах, но он никогда не говорил о случайных девушках. Под случайными я имела в виду тех, с которыми он просто спал. Я была не в восторге от того, что мой братец превратился в московского сердцеда, но он меня заверил, что все девушки знают, на что идут.

– Как ее зовут?

– Ее не зовут, она сама приходит.

– Я серьезно!

– Я тоже. – Он усмехнулся. – Она всегда появляется тогда, когда ее не ждешь.

Так, значит, они не первый раз видятся. Она что же, его девушка? Я сторала от любопытства, но с вопросами нужно быть аккуратной, чтобы не спугнуть.

– Она «та самая»? – почему-то прошептала я.

Повисло секундное молчание, а затем Марик ответил:

– Нет, она всего лишь обычная девушка, как и другие до нее.

Я облегченно выдохнула. Ведь если бы у него появился кто-то особенный, он бы мне сказал!

– Расскажи, как у вас там дела, Лисси?

Я сделала вид, что не заметила, как ловко Марик уводит меня от разговора о его личной жизни, и рассказала ему все, что знаю о состоянии дяди Володи, и об утреннем разговоре с мамой.

– Не сердись на нее, ты же знаешь, что она иногда перебарщивает с заботой, – сказал Марик. – Как Лис? Мы переписывались вчера, но по сообщениям сложно понять его состояние.

Я вздохнула. Есть ли вообще человек, способный понять, что чувствует Алексей? Вчера я увидела его с другой стороны: он был заботливым старшим братом для Маруси, надежным плечом для своей мамы и со мной вел себя как нормальный человек. Но сегодня утром он снова стал той версией себя, которую я так хорошо знала.

– Ну, Алексей, он... как всегда. – Я не знала, что еще сказать.

– Будь с ним терпеливой, – выдал мне братец. – Ему несладко приходится. Черт, ты куда собралась? Что?

Я услышала женский голос и недовольное ворчание брата.

– Лисси, я перезвоню. – И он отключился.

Видимо, у него намечались разборки с гостьей. Может, все же стоит перебраться в Москву? Меня здесь ничего не держало, но по какой-то причине сердце отказывалось покидать наш город, словно только здесь ему и было место.

Алексей

С момента, как села на заднее сиденье моей машины, Алиса не произнесла ни слова. Иногда я подсматривал за ней в зеркало заднего вида. Она была полностью поглощена своим телефоном. На ее лице мелькала смущенная улыбка, а пальцы с сумасшедшей скоростью бегали по дисплею. Было похоже, что она с кем-то переписывается. Еще одна ее улыбка не для меня. Сколько уже таких?

Я пережил эти чувства.

До больницы мы доехали в тишине. После нашей утренней словесной перепалки Мишка меня игнорировал. Я знал, что переборщил, и позже извинюсь за это.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – за стойкой регистрации нас встретила девушка.

– Мы к Лисовскому.

– А вы ему кем приходитеесь? – спросила девушка, вглядываясь в монитор компьютера. –

Мы пропускаем только родственников.

– Мы его сыновья.

– А девушка с вами?

Плакса на секунду растерялась. И я выдал единственное, что пришло мне в голову:

– Моя жена.

– Я – дочь, – одновременно со мной произнесла Алиса.

Упс. Медработница нахмурилась и переводила взгляд с меня на Алису.

– Моя жена для отца как дочь, – нашелся я и приобнял Плаксу за талию.

Боковым зрением я видел, что Мишка прикрыл глаза рукой, фейспалмя. Алиса напряглась от моего прикосновения: я был уверен, что она недовольна сложившейся ситуацией.

– Хм, ладно, проходите. Вам нужно пройти в...

– Спасибо, я знаю, куда нам идти.

Не убирая руки с талии Алисы, я вел всех к палате отца. Мишка плелся следом за нами. И только зайдя в лифт, я нехотя убрал руку с талии Светловой. Я проигнорировал ощущение пустоты, нахлынувшей на меня после того, как отпустил ее.

– Почему, когда ты рядом, я всегда попадаю в idiotские ситуации? – недовольно произнесла Алиса. – Зачем вообще нужно было говорить, что я твоя жена?

Потому что это то, что первым пришло мне в голову? Потому что это самый очевидный ответ? Потому что я так захотел? Потому что это самый правдоподобный вариант?

– Какая разница, что я сказал? Главное – ты здесь, с нами, а не в холле. Закрыли тему.

Плакса скрестила руки на груди и стала разглядывать стены лифта. Когда мы поднялись, я направился в палату к маме. Отец все еще был в реанимации, и к нему не пускали никого,

кроме нее. Уезжать из больницы она отказывалась, поэтому я попросил для нее отдельную палату, где она могла бы отдохнуть.

Я постучал, но никто не ответил. Я толкнул дверь. Мама сидела в кресле и смотрела в окно. Она выглядела очень уставшей, с темными кругами под глазами.

– Мам, привет! – Мишка подбежал к ней и присел рядом. – Как ты?

– Все хорошо, сынок. – Она положила ладонь ему на голову и погладила по волосам. – Зачем ты его привез? – Она повернула голову в мою сторону.

Вот она, материнская любовь во всей красе.

– Он хотел тебя увидеть.

– Я просила тебя всего день позаботиться о Мише с Марусей, а ты даже этого не можешь сделать. – Мать разочарованно покачала головой. – На тебя нельзя положиться.

Я сжал зубы. Ожидал ли я от нее чего-то другого? Нет. Она была идеальной мамой для моих братьев и сестры. Любящей женой для отца. Но для нее я всегда был разочарованием. Ребенком, которого она никогда не хотела.

– Мам, Алекс не виноват, – сказал Мишка. – Мне не пять лет, и, в отличие от Маруси, я понимаю, что происходит, не нужно от меня ничего скрывать.

– Прости, милый, я забываю, что ты уже взрослый. – Она ласково погладила его по щеке. – Бабушка забрала Марусю?

– Да.

Мама кивнула, даже не взглянув на меня. Меня обжигала эта стена ледяного отчуждения, что она воздвигла между нами. Наверное, за столько лет я должен был привыкнуть, но это все еще ранило.

Я смирился, что никогда не был для нее на первом месте. Однажды я набрался смелости и пригласил их на свой финальный хоккейный матч, но получил еще одно подтверждение того, что на меня любви у родителей не хватило. Отец не смог приехать из-за работы, а мать решила поддержать своего любимого сына.

– Это первый концерт Ванюши в музыкальной школе. – Мама вытерла слезы с моих щек. – Я не могу оставить его одного, а ты все равно будешь сосредоточен на игре.

Мне было тринадцать, и если бы ребята из команды узнали, что я распустил нюни, как девчонка, со мной никто не стал бы общаться. Но я ничего не мог с собой поделать, слезы произвольно покатались из моих глаз – бабушкины слова о том, что я не нужен родителям, нашли подтверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.